

СЕРГЕЙ ИЗУГРАФОВ

Смерть на Кикладах

СБОРНИК ДЕТЕКТИВОВ №2



Сергей Изуграфов

**Смерть на Кикладах.
Сборник детективов №2**

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Смерть на Кикладах. Сборник детективов №2 / С. Изуграфов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747866-7

Алекс Смолев переезжает из Петербурга на один из красивейших островов греческого архипелага Киклады. Покупает небольшую виллу и виноградник в надежде на спокойную и размеренную жизнь. Но загадочные убийства постояльцев виллы и жителей острова заставляют его принять участие в расследовании. Ему помогают друзья, старший инспектор уголовной полиции острова, даже Бюро Интерпола. В сборник вошли повести «Выбор Ариадны», «Масамунэ и Мурамаса», «Сумма впечатлений».

ISBN 978-5-44-747866-7

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

Выбор Ариадны	6
Пролог	7
Часть первая	12
Часть вторая	19
Часть третья	24
Часть четвертая	29
Часть пятая	34
Часть шестая	40
Часть седьмая	45
Часть восьмая	54
Часть девятая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Смерть на Кикладах Сборник детективов №2

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-7866-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Пусть чередуются весь век
Счастливый рок и рок несчастный.
В неумоимости всечасной
Себя находит человек!

Гете, «Фауст».

Выбор Ариадны



Эвелин де Морган, «Ариадна на Наксосе», 1877г.

Кому пожаловаться на обман?
Молчат деревья, слез не понимая,
Здесь небо слепо, а земля – чужая,
Любовь обманна, как морской туман.

«О боги, если кто-нибудь когда-то
Вас холодностью ранил, – пусть расплата
На моего обидчика падет!»
Так Ариадна небо молит в горе,
А слезы между тем уносит море,
И ветер вздохи горькие крадет.

Хуан де Аргихо (пер. П. Грушко).

Пролог



Бывают иные встречи, совершенно даже с незнакомыми нам людьми, которыми мы начинаем интересоваться с первого взгляда, как-то вдруг, внезапно, прежде чем скажем слово.

*Ф. М. Достоевский,
«Преступление и наказание».*

Вот уже скоро битый час, как Арина отрешенно смотрела в окно.

На палубе скоростного парома было ветрено, море волновалось, словно в предчувствии беды, неся на палубу пену и холодные соленые брызги. Поэтому, выйдя было на палубу в начале их путешествия, она быстро вернулась в салон. Отсела подальше от друзей, в дальний угол, где нашла место у окна.

Состояние было дурацким. После попытки задремать – глубокий сон никак к ней не шел, как она ни старалась – лишь ныла шея да ломило в затылке. Ноющая боль никак не улучшала и без того паршивого настроения.

Хотелось есть. Просто жутко хотелось есть.

И не этих противных булок с ветчиной и сыром на пожухлых салатных листьях с гордым названием «сэндвич» по три евро за штуку, что они сдуру набрали с собой в дорогу в Пирее, а нормальной человеческой еды: мамино нежного куриного супа с вермишелью, домашних бабушкиных котлет, чая с пирожками.

Сколько раз она ни пыталась сама, но таких ароматных, сочных котлет, как у бабушки, никогда не могла приготовить. Может быть потому, что она была не слишком внимательна?

Ее бабушка Галина Александровна, пережившая в Ленинграде всю блокаду совсем юной девушкой, относилась к еде как-то очень по-своему уважительно и трепетно. Все продукты были у нее аккуратно разложены, расфасованы и распределены по полочкам в металлических и стеклянных банках.

Когда Арина готовила, в творческом порыве заляпывая всю кухню просыпанной мукой, обрезками теста, неиспользованным фаршем или оливковым маслом, – вот масло она умудрялась проливать в любых обстоятельствах, за что мама ее частенько называла «Аннушкой», – пытаясь напечь пирожков по маминему рецепту, – бабушка только грустно качала головой и тяжело вздыхала. Потом, не выдержав, с нелестными выражениями выставляла обиженную внучку с кухни и наводила порядок, бережно собирая все разбросанные продукты.

«Великовозрастная бестолочь» дулась у себя в комнате, мысленно доказывая бабушке, что двадцать лет – вовсе не возраст, и уж кто бы говорил!



Еще через полчаса с кухни доносился совершенно дурманивший аромат бабушкиных жареных пирожков с мясом, капустой, яйцом и зеленым луком, картошкой и грибами. Как тут было обижаться – на такой запах не захочешь, а выйдешь в кухню, найдя ее даже с закрытыми глазами...

Они с бабушкой мирились и, позвав мать, которая устало отрывалась от своих ватманов с очередным архитектурным дизайн-проектом, сиделись втроем пить чай. Как же она любила эти чаепития!

Арина сглотнула слюну и тяжело вздохнула.

Еще минимум два часа до Наксоса, а есть уже хочется так, что живот сводит. В баре на пароме – вода, спиртное, чипсы и орешки. Называется: доброе утро, гастрит! Были еще какие-то шоколадки, но она не рассмотрела толком – сладкое она терпеть не могла. Придется пить воду и мучиться. Может, хоть на вилле, куда они едут, их покормят.

Она в сердцах крутанула пробку от бутылки с водой – и та, раскрутившись волчком, вдруг соскочила с бутылки и улетела куда-то далеко вперед, под сиденья.

Ну вот! Арина чуть не расплакалась. Совершенно дурацкий день! И что теперь делать? Держать еще два часа бутылку с водой в руке, чтобы не пролить? Поставить некуда, да и паром качает, все равно бы она опрокинулась. Невозможно же выпить все полтора литра залпом! Придется лезть под сиденья и искать эту дурацкую пробку, держа бутылку в руке.

Мысль о том, чтобы передать бутылку друзьям, она сразу отогнала – в тот угол она не пойдет. Ей все еще было ужасно стыдно за Глеба.

В Пирее, где они остановились всего на день, он вдруг умудрился напиться до состояния полной невменяемости и вел себя совершенно отвратительно: буянил, матерился и задирали прохожих, которые шарахались от него в ужасе.

Машка с Антоном искренне сопереживали ей, она это видела и чувствовала, но легче ей от этого не становилось. Антон – спасибо ему! – втащил Глеба на паром и усадил в кресло, где тот и спал уже второй час беспорядным сном.

Арина с ужасом думала, что было бы, если бы они отправились в Грецию вдвоем с Глебом. Это была бы катастрофа. Она бы не смогла с ним справиться совершенно.

Антон с ним не церемонится, он его старше на пять лет и выше на голову – берет в охапку или подмышку и тащит. Хорошо ему, он мастер спорта по вольной борьбе. А что делать ей с ее весом в едва-едва пятьдесят килограммов при росте в метр семьдесят пять?

Мать, грустно улыбаясь, частенько называла ее «субтильной блондинкой», а бабушка, вздыхая, пододвигала блюдо с пирожками к ней поближе. Но, во-первых, больше трех пирожков подряд она все равно никогда не могла осилить, во-вторых, субтильная – не субтильная, а все было при ней, зеркало не обманешь! Ну и в-третьих, успеет еще поправиться! Хотя ни маме, ни бабушке это так и не удалось, порода такая. Что тут скажешь – повезло!

В общем, хочешь – не хочешь, а надо лезть за дурацкой пробкой, если она не хочет просидеть оставшиеся два часа, изображая оживший подстаканник.

Арина вздохнула, встала с места, и, держа в руке злосчастную бутылку, наклонилась, пытаясь заглянуть под соседние сиденья.

В этот момент в левый борт судна ощутимо ударила волна, паром вздрогнул и слегка качнулся. Этого вполне хватило, чтобы девушка потеряла равновесие, и перелетев через проход, приземлилась с громким воплем прямо на колени дремавшего молодого грека, вылив вдобавок при этом на него самого и на его пиджак добрую половину воды из бутылки.

Похолодев от ужаса и совершенно растерявшись, Арина приготовилась к тому, что ее сейчас будут бить, и зажмурилась. Вдруг она почувствовала, как кто-то осторожно постучал пальцем по ее плечу.

Деваться было некуда – пришлось открыть глаза.

– Благодарю вас, – к ее удивлению негромко произнес молодой грек по-английски, утирая загорелое лицо белым платком, – я как раз собирался пойти умыться. Теперь необходимость в этом отпала. Буду вам еще более признателен, если вы с меня встанете. Ничего страшного, не переживайте, бывает. Качка!

Арина, сообразив, что продолжает сидеть на коленях у парня, покраснела и немедленно вскочила. В этот момент паром снова качнуло – и девушка с тихим воплем опять свалилась на него. Парень добродушно рассмеялся.

От такого невезения она сначала тихо всхлипнула, а потом и вовсе разревелась. Грек внимательно присмотрелся к ней и смеяться перестал. Он помог ей встать и аккуратно усадил в соседнее кресло. Отобрал у нее бутылку с водой, мгновение подумал, потом открутил крышечку со своей пустой бутылки, плотно закрутил бутылку девушки и вручил Арине. Та благодарно закивала, утирая слезы.

– Что, не ваш день? – сочувственно поинтересовался грек. – Бывает! Не стоит расстраиваться из-за таких мелочей. Это пустяки! Не о чем даже говорить! За мой пиджак не переживайте, высохнет через пять минут после того, как мы сойдем на берег. Выпейте воды. Я могу чем-то помочь?

– Нет, спасибо, – сквозь слезы улыбнулась Арина неожиданному участию. – Не могу. Вода в меня больше не лезет.

– Меня зовут Леонидас, – добродушно улыбнулся парень. – Леонидас Спанидис. Моя семья живет на острове уже много лет, можно сказать, мы – коренные островитяне! Я тоже родился на Наксосе, вот еду домой родных повидать и заняться семейным делом. Вы туристка? Проездом или как? Надолго к нам?

– Очень приятно! Ариадна. Я студентка из России, учусь на архитектора. Мы с друзьями путешествуем по Греции, они сидят во-он там, – она хотела было приподняться повыше в кресле и показать, где именно были ее спутники, но вовремя передумала.

Не хватало еще плюхнуться к нему на колени в третий раз! Он точно решит, что она или припадочная, или его домогается. Такого позора она уже не переживет. Тогда только за борт от стыда! И так ведет себя, как идиотка! Весь салон, наверно, на нее смотрит, как на буйно помешанную: лезет на колени к незнакомому мужчине, водой поливает, да еще так упорно лезет!

Арина решила одним глазком взглянуть вокруг и вдруг поняла, что на нее никто не обращал внимания. Все занимались своими делами. Ну оступился человек в качку, с кем не бывает? Она с облегчением вздохнула свободнее.

– Ариадна? Вас зовут Ариадна? – удивленно переспросил Леонидас, внимательно наблюдавший за ней, не переставая загадочно улыбаться. – Надо же! И вы плывете на Наксос? Совсем – как в легенде!

– В какой легенде? – пролепетала Арина, смущенно рассматривая большое расплывшееся пятно на его стильном льняном пиджаке.

– Вас зовут Ариадна, вы плывете морем на Наксос – и вы не знаете этой старой легенды? – рассмеялся парень и покрутил головой. – Как же так? Есть древний миф о Тесее и Ариадне. В нем говорится и о нашем острове, который лежит как раз на полпути между Критом и Афинами. Это грустная история. Хотя, с другой стороны, как посмотреть! Мудрые люди говорят, что каждый в ней получил то, что заслужил.

– Ариш, у тебя все в порядке? – вдруг раздался у нее над головой взволнованный Машкин голос. – Ты чего такая вся зареванная? А это кто? Может, Антошку позвать?

– Да нет, что ты, все хорошо. Это Леонидас, мы просто... случайно познакомились.

Не понимая их разговора на русском языке, молодой грек смотрел на подруг, спокойно и доброжелательно улыбаясь.

– Да? Точно? – подозрительно покосилась на грека ее подруга.

Машке с ее буйной фантазией везде чудились коварные работяги: охмурят и продадут «субтильную блондинку» в сексуальное рабство бедуинам! Почему именно бедуинам – Машка внятно не могла объяснить. Она их представляла себе очень смутно: пески, палатки, верблюды. Что может быть ужаснее?! Ни горячей воды, ни средств гигиены, ни интернета! В этот момент Арина обычно фыркала от смеха. Откуда в Греции взяться бедуинам?

Машка покосилась на грека и скомандовала:

– Ну ладно. Пошли к нам, нечего одной тут сидеть.

– Извините, – сказала Арина. – Мне нужно идти. Извините, что я вас...

Грек поднял обе руки ладонями вверх и широко улыбнулся.

Какая улыбка, вдруг пришло ей в голову. Она внезапно увидела, что грек очень хорош собой. Теплые карие глаза, черные, как смоль, выщипанные волосы. И голос такой мелодичный, очень приятный.

– Не думайте об этом, все в порядке. Всего хорошего! – произнес он и кивнул девушкам на прощанье.

– Всего хорошего, – грустно сказала Арина и нехотя пошла вслед за подружкой.

– За что ты извинялась? – поинтересовалась Машка, то и дело оглядываясь на молодого грека.

– Я на него упала нечаянно. Полезла за крышкой, понимаешь, а тут волна...

– Ты на него что? – округлила глаза Машка.

– Ну упала я случайно на него! – раздраженно ответила Арина. – Что теперь? Вернее, ему на колени. Два раза. Вот что ты так на меня смотришь? Так получилось! И водой его еще облила, весь пиджак. Ай! – махнула она рукой. – И что здесь такого? Я же не специально! Смотри, какая качка!

– Да-а-а, подруга, – протянула Машка с восхищением. – Умеешь ты ненароком привлечь мужское внимание! Я, еще до замужества, когда хотела познакомиться с одним парнем в баре несколько лет назад, помню, пиво ему на брюки пролила, всего пару капель. Так он так разволновался, будто я не пивом капнула, а из канистры бензином плеснула и бросила туда горящую спичку. Ты бы слышала, как он орал! Какие-то безумно дорогие брюки, от какого-то модного дизайнера! А я знала? Идешь в бар – надень джинсы, я так считаю! Вдруг кто захочет познакомиться... Кстати, он оказался «голубым», знала бы – весь бокал бы ему опрокинула! А ты из бутылки водой на пиджак и сразу на колени? При чем два раза? Настырная ты! А с виду – тихоня! Пошли, Антошка заждался. Ты скажи, только честно, познакомиться хотела? Парень-то красавчик! Глебу до него, например, далеко.

– Даже в мыслях не было, – мрачно процедила Арина, – и вообще, чего ты приперлась? Он только мне начал одну интересную историю рассказывать...

– Да, на это они мастера! – закивала головой Машка. – Доверчивым русским девушкам интересные истории рассказывать, – вовремя, значит, я за тобой пришла! А вдруг он торговец? Пара таких историй, ты рот раскроешь и – привет, бедуины! Ты бы видела, как он на тебя смотрел!

– Как? – удивилась Арина. – Обычно смотрел. Нормальный, воспитанный человек! Вот если бы ты мне на колени дважды упала и блузку залила водой, я бы на весь паром такой скандал закатила! А он, знаешь, какой вежливый? И образованный! По-английски говорит лучше нашего Санпалыча из университета. По-крайней мере, его я с первой фразы поняла, а Санпалыча уже третий год не могу понять, что он там бормочет.

– Удивила! – фыркнула подруга. – Санпалыча понимает только он сам, и то не по трезвому делу. Говорят, что он в свое время прожил пять лет то ли в Бронксе, то ли в Гарлеме. Так с тех пор с тамошним акцентом и разговаривает. Но он какой-то родственник ректора, сама понимаешь, будет сидеть на кафедре до победного конца.

– А то, что он вечно шепелявит так, что ни одного звука не разобрать, дергается весь и подмигивает каждые две минуты, – это у него от Бронкса или от Гарлема? – ядовито поинтересовалась Арина.

– Скорее всего, от Гарлема, – подумав, рассудительно произнесла Машка. – Знаешь, как сложно выжить белому в негритянском квартале? Кстати, что за история-то?

– Да откуда же я теперь знаю? Он спросил, мол, вы Ариадна, едете на Наксос – и не знаете древнюю легенду? Ту, что про Тесея, Ариадну и Наксос? И только собрался рассказать, а тут ты... со своими бедуинами!

– Ух ты, точно про любовь, стопудово! У Антошки надо спросить, – заявила Машка. – Он античную историю два месяца зубрил перед поездкой! По всем Кикладам поднимал материалы, копался в путеводителях.

– Слушай, Маш, – после паузы сказала Арина. – Пока мы еще не дошли. Мне ужасно стыдно за Глеба. Я не ожидала...

– Забей, подруга! Ты-то здесь при чем? Ты его пить заставляешь? – махнула рукой Машка. – Он большой мальчик, двадцать пять скоро. Потерпи. Ты ему не мамочка, чтобы его пасти. Будет и дальше свинячить – будем отдыхать вдвоем, не переживай. Антошка его в чувство быстро приведет, если будет тебе нервы мотать. Мы тебя не бросим! Постарайся, чтобы он не испортил тебе отпуск!

– Спасибо, Машкин! – Арина снова почувствовала, как комок слез подступил к горлу.

Девчонки подошли наконец к Антону и уселись напротив. Он с закрытыми глазами мерно покачивал головой в такт музыке, что лилась из больших черных наушников.

– Так, любимый, – бодро скомандовала Машка, стягивая с мужа наушники. – Ну-ка, вспоминай давай. Вводные слова: Ариадна, Тесей, Наксос, легенда. Что выдаст твой суперкомпьютер? Думай давай! – она ласково постучала пальцем по лобастой голове парня.

Антон пожал широкими плечами, выключил айпод и нежно улыбнулся Машке.

– А что тут думать, свет моих очей? Есть такая легенда. Слушайте!

Часть первая



Чем старше я становлюсь, тем больше
уверенность, что все в нашей жизни – от
удачи. И от пунктуальности. Если приходить вовремя, – все идет хорошо!
Кристофер Уокен.

Тот, кто собирается возродиться к новой жизни, нуждается в регулярном
и здоровом питании!
Оскар Уайлд,
«Как важно быть серьезным».

Девушки сошли с парома на гостеприимную набережную Наксоса уже под вечер.

Отдыхающие, укрывшиеся от дневного палящего зноя за толстыми стенами вилл и домов, к вечеру дружно высыпали на променады. В марине, за каменными волнорезами мягко шелестел волнами прибой. Солнце клонилось к горизонту. Дувший порывами северный ветер «мельтеми» приятно освежал кожу.

Подруги устало переглянулись. Все-таки, три с половиной часа на пароме, да еще в такую болтанку, их сильно утомили.

Вслед за девушками показались и молодые люди. Антон вел Глеба под руку, было видно, что тот по-прежнему нетрезв. Лицо со сна у него опухло, язык почти не ворочался, глаза налились кровью. Он уселся прямо на набережной, слепо ощупав землю руками, бессильно уронил голову на грудь и снова отключился.

– Ну что, девчонки, – поинтересовался неунывающий Антон, бросая рядом огромную сумку с пожитками и подставляя лицо приятному ветерку, – какие наши планы? Сразу пойдем искать жилье? По карте – до него минут пятнадцать пешим ходом, сначала по набережной, а потом в горку.

– Боюсь, Глеб не дойдет, – тоскливо произнесла Арина. – Не потащишь же ты его на себе! Больно много чести! И еще кушать очень хочется, если честно. Аж живот сводит! С Глебом и чемоданами нам до гостиницы полчаса точно идти, если не больше, да еще в гору. Я по дороге с голода умру. Моя мама вам этого не простит! Бабушка будет мстить, предупреждаю сразу! В Питер лучше тогда не возвращайтесь!

– Ну в чем же проблема! В конце-концов, до острова мы уже добрались! Судя по той карте, что ты мне показывал, любимый, всю Хору из конца в конец, при желании, до заката еще успеем пройти раз двадцать, – пожала плечами Машка. – Пойдемте вдоль набережной, смотрите сколько таверн! Выберем себе что-нибудь покушать. Вон, смотрите, у той таверны

народ толпится: чего-то ждут? Там шарики разноцветные, ленты, пойдемте, поглядим! Интересно же! Смотрите, там и музыканты! Какое-то угощение всем раздают! Так, срочно бежим, а то на нас не хватит!

– А с Глебом что делать? – уточнила Арина больше по инерции, глядя с отвращением на его землистое, отекавшее лицо.

Подумать только, что еще месяц назад она мечтала об этой поездке! И какая только романтическая чушь ни лезла ей тогда в голову! Что значит не знать человека совершенно, мама ее предупреждала...

Сейчас она хотела только одного: чтобы он провалился сквозь землю. Слава богу, она догадалась забронировать себе отдельный номер. Пусть делает, что хочет, но Машка права: Арина не позволит ему испортить себе отпуск.

– А мы его на скамеечке во-он той посадим, с видом на море. Как раз под ветерок. Вряд ли он сейчас способен даже подумать о еде. Мы перекусим, глядишь – и он в себя придет на свежем воздухе. А потом уже в гостиницу пойдем! – добродушно улыбнулся Антон, легко подхватил в одну руку тяжеленную сумку, в другую – Глеба и широким шагом бодро зашагал вдоль по набережной. Девчонки еле успевали за ним, катя за собой небольшие чемоданы.

На набережной витали такие божественные ароматы из таверн, гостеприимно распахнувших к вечеру двери для гостей, что Арина невольно ускорила шаг.

Запахи жареного лука и мяса на углях с дымком, рыбы на решетке, горячего хлеба смешивались с благоуханием запеченных омаров, креветок и баклажанов на гриле, птицы, тушеной в вине, похлебки из мидий, тцаттики и оливковой пасты, жареного сыра и свежих овощей. Все это сливалось с феерическим букетом специй, чеснока, лимона и оливкового масла в одно дурманящее облако, что висело над променадом, совершенно подавляя волю оголодавших путешественников. Еще немного – и Арина уже просто бежала вслед за Антоном.

– Боже, как же все вкусно пахнет! С ума можно сойти! – простонала Машка, нагоняя подругу. – Сейчас умру, так есть хочется! Будь проклят тот, кто придумал «сэндвичи»!

У свежотремонтированной таверны с большой вывеской «У Ирины и Георгиоса» весело шумела толпа отдыхающих. Здесь же, прямо на берегу были расставлены столы с угощением для всех, кто пришел поздравить таверну с открытием.

На столах, украшенных цветами, заставленных вином и закусками, лежали буклеты с новым меню таверны. Музыканты играли веселые мелодии. У входа в таверну стояли девушки и юноши в национальных костюмах, гостеприимно приглашая всех, кто подходил полюбопытствовать.

Девчонки робко застыли, не дойдя пяти метров до входа, рассматривая все происходящее. Антон отлучился усадить Глеба на скамейку под развесистым платаном.

– Проходите, не стесняйтесь! – неожиданно услышали они родную речь.

Молодая гречанка смотрела на них и, радушно улыбаясь, призывно махала рукой. Говорила она по-русски правильно, с едва заметным милым акцентом.

– Проходите, добро пожаловать! Угощайтесь, пожалуйста, у нас сегодня большой праздник! Все за счет таверны! Мы вам очень рады!

– Вот это, я понимаю, – гостеприимство! – проговорил с удовлетворением вернувшийся Антон, потер ладони и не заставил себя более упрашивать. Девчонки к нему немедленно присоединились.



– Это что... что я... ем? – спустя несколько минут с набитым ртом поинтересовалась Машка у подруги, закатывая глаза от удовольствия. Отрывая небольшие кусочки от ломтя свежее испеченного хлеба, она макала их в тарелку с густой пахучей пастой и отправляла в рот.

– М-м-м-м-ы!.. – промычала ей в ответ Арина. – Не... не... не отвлекай... ся! Боже мой, как же вкусно! Так, посмотрим, у тебя баклажаны в оливковом масле с чесноком! А у меня макароны, кажется с крабами! Соус просто божественный!

– Там написано – «с омаром», – поправил ее Антон, вернувшийся от гриля, где раскрасневшийся от жара весельчак-повар, напевая, жарил маленькие шашлычки-сувлаки из баранины и свинины на деревянных шпажках и щедрой рукой раздавал всем желающим, широко улыбаясь и подмигивая.

Антон поставил перед девчонками большую тарелку с шашлычками, блюдо с мусакой, блюдечко с тцаттики и кувшин домашнего белого вина. И как только в руках все унес!

Разливая вино по бокалам, он покачал головой.

– Ну знаете, мне здесь уже нравится! Давайте выпьем за остров Наксос! Вот что значит вовремя оказаться в нужном месте!

– Это точно! – хором согласились девушки.

– Ямас! – чокнулся с ними бокалом Антон. – Это их вариант «За здоровье!».

– Ямас! – откликнулась Арина и пригубила вино. Прохладное, с ароматами фруктов и цветов – просто прелесть, подумала она.

– Ямас, любимый! – не отставала и Машка, поглядывая с нетерпением на блюдо с запеканкой.

– Вы знаете, почему девушка у входа в таверну говорила по-русски? – спросил Антон. – Так вот, я поинтересовался: ее зовут Катерина, она по маме – русская! Успел перекинуться с ней парой слов, пока ждал мясо. Не смотри так сурово, любимая, подавишься запеканкой! Это мусака, кстати! Ты просила тебе подсказывать местные названия! Ай! Пинаться-то зачем? Так оказалось, что мы с вами по адресу! Во-первых, эта таверна принадлежит тому же владельцу теперь, что и вилла, куда мы с вами приехали. Во-вторых, этот владелец из России, и зовут его Алекс. Мне показалось, что Катерина в него влюблена, она его имя произносила с таким выражением, будто говорила о небожителе, с придыханием и закатывая глаза. В-третьих, я объяснил нашу ситуацию, – он кивнул в сторону Глеба, по-прежнему дремавшего на скамейке, – уж прости, Ариш! Так вот, она сказала, чтобы мы не переживали. Мы можем хоть весь вечер здесь тусить, через час будут танцы. А за багажом и Глебом она пришлет машину с виллы; персонал доведет его до номера, и он сможет там отдохнуть. А если захотим – сможем все вместе на ней уехать. Машина будет через час ждать нас вон на той стоянке, белая «Нива» с наклейкой на боку. Так что мы свободны, как ветер!

– Вот это да! – от удивления Машка даже жевать перестала. – Вот это повезло! Нас что теперь, каждый день так кормить будут? Блин, а я так надеялась сбросить пару килограммов

за отпуск! Ну хорошо, пять! И нечего на меня так смотреть! Да и загореть бы не помешало, а то на пляже в Пирее на мою молочную белизну только слепой не обернулся... Кстати, ну-ка, расскажи-ка мне поподробней, милый, о чем вы еще с ней говорили? Я-то ее хорошо рассмотрела – красotka: черноглаза, чернوبرова...

– Да брось ты, Машка! – весело рассмеялась Арина. – Он просто умница, что все выяснил. А к той «красотке» вон, видишь, местный подошел, смешливый такой, она его целует украдкой. Наверняка, жених! С местными даже твой Антоха связываться не рискнет!

– А главное, ради чего? – рассудительно продолжил Антон, щедро накладывая себе на тарелку пасту с омарами. – Ради того, чтобы пообщаться с какими-то там загорелыми, стройными, сексуальными молодыми гречанками? Ты же любовь всей моей жизни! Ты – для меня всегда на первом месте! М-м-м-м... После этой пасты – точно! Вот бить меня по шее – совершенно лишнее, солнце мое, снова отшибешь руку!

– Насчет Глеба – может и правда, пусть везут? И чемоданы заодно. А мы бы с вами погуляли, даже искупались, как вы на это смотрите? – предложила Арина весело резвившейся парочке. – Отпуск у нас или что? Такой вечер терять в отеле!

– А и в самом деле! – легко согласилась подруга, отсмеявшись. – И правильно! Молодец, Антошка. Сейчас кушаем, отдыхаем, купаемся и гуляем по городу, потом...

– Снова кушаем! – перебил ее Антон, комично надув по-хозячьи щеки и кровожадно вонзив вилку в лежащий перед ним сочный шашлычок.



Девчонки так и покатались со смеху.

Арину после вкусной еды и бокала домашнего вина постепенно отпустило напряжение, в котором она пребывала все три с лишним часа на пароме. Неужели она и в самом деле в отпуске? Надо сообщить маме, что все в порядке. Она достала телефон и застрочила смс.

– Эй, подруга, – вдруг странно изменившимся голосом произнесла Машка. – Подруга! Ариш, кому говорю! Да оторвись ты от своего телефона! Потом допишешь... Смотри, кто идет!

Арина подняла голову, и отчего-то вдруг сердце ее забилось сильнее.

К таверне в компании молодых греков подошел тот самый парень, которого она облила водой на пароме. Леонидас Спанидис, сказал он ей тогда.

Красивое имя, ему идет, вдруг подумала она.

Высокий, выше многих на голову, наверно, ростом с Антона, ладно скроенный парень крепко обнялся с широкоплечим греком среднего роста, что вышел ему к нему навстречу; наклонившись, дал себя расцеловать пожилой женщине, которую поприветствовал с видимым почтением и вручил ей какой-то подарок.

– Это бывшая хозяйка таверны – Ирины, – прокомментировал Антон, проследив за ее взглядом. – Новый хозяин таверны сохранил из уважения к ней ее имя и имя ее мужа в названии. Сегодня не только праздник по поводу открытия таверны, но и проводы ее на материк,

она уезжает, как мне сказала Катерина. Сейчас вереницей пойдут местные с подарками, у них так принято.

– Какие они все-таки молодцы! – грустно сказала Арина. – Такое искреннее радушие, уважение, забота. Все друг друга знают, все вокруг свои. Отсюда и гостеприимство, и щедрость! Я вот соседей по своей лестничной клетке знать не знаю, даже имен, в лицо не всех узнаю, когда в лифте встречаю, каждый раз переспрашиваю: «Вам на какой этаж?», как идиотка... Живем, как по норам, каждый спешит залезть поглубже и подальше от других. Как же так? Ведь когда-то мы жили иначе?

– Нас слишком долго натаскивали – почти восемьдесят лет – жить в коллективе, у всех на виду, Ариш! – откликнулся Антон, задумчиво рассматривая море сквозь бокал белого вина. – Мне отец рассказывал, как у него на заводе жены ходили жаловаться на мужей в профком по поводу любовниц, запоев, заначек, битья и всякого другого мелкого дрызга, что лучше бы оставить в семейном кругу. Так нет, трясли своим грязным бельем перед всеми. А коллективизация, а «борьба с частной собственностью и мещанством»? А фабрики-кухни? А огромные заводы и фабрики по десятку тысяч работников, где все на виду? А рабочие бараки и наши питерские коммуналки? Как Высоцкий пел – вон всю дорогу слушал – «Все жили скромно, вровень так: система коридорная. На тридцать восемь комнаток – всего одна уборная!». Озвереешь тут!

– Да уж! – поежилась Машка. – Я бы точно озверела!

– Человеку нужно личное пространство – ему не давали этого пространства с самого детства. Сначала ясли, детский сад, потом школа с октябрятами, пионерами, комсомолом. Везде рулил коллектив, слова поперек не скажи – распнут! Пионерская дружина, комсомольские собрания! Летом ребенка – в лагерь! Видимо, чтобы на будущее привыкал... Подрос парень – на два года в армию! Пришел из армии – на завод! Институт закончил, распределение в зубы – и поехал на три года, минимум, куда пошлют. Чтобы хоть чего-то добиться – в партию вступи: снова, значит, коллективно лицемерь! Оно, может, и правильно, с государственной точки зрения, но с человеческой... Миллионы жили, строя жизнь как по чужой кальке. Их спросили, хотят они так жить?

– А надо спрашивать-то? – спросила Машка.

– Надо, Маш! У человека должен быть выбор! – убежденно кивнул ее муж. – Народ не виноват, что его пытались оскотинить и превратить в стадо – так легче управлять. Поэтому, как только пришла «воля» – все разбежались по углам. По норам, как ты говоришь, Арина. И долго еще не соберутся. Теперь у каждого – свое, и каждый сам за себя! Сознание раскололось, идеологии нет. Закон джунглей! Впали в другую крайность. А греки здесь так жили и живут тысячи лет. Веками уклад не менялся. Колхозов не строили. Чтили традиции предков, вот так. Так что удивляться нечему...

– Умный ты у меня, – сказала Машка, прижимаясь к мужнину плечу.

– А ты у меня – красивая! – в тон ей ответил Антон, и оба весело рассмеялись.

Арина улыбнулась.

– Но если давать возможность людям выбирать, как они хотят жить, то я хочу жить так, как они, – вдруг сказала она, – в домике у моря. Пусть на острове! Но знать всех и со всеми дружить, каждый вечер общаться, собираться за столом, обсуждать все на свете! Смотрите, как они живут: весело, непринужденно! В общем, я тоже хочу сюда, на остров!

– Это все прекрасно, – рассудительно сказал Антон, – но не стоит путать туристическую поездку с эмиграцией. Они не только общаются и веселятся, они еще и трудятся, как проклятые, чтобы хоть как-то свести концы с концами. В Греции самый тяжелый кризис, банки даже изымают вклады, чтобы дела как-то поправить. Слишком долго жили в долг и не по средствам. Правда, островитяне здесь точно ни при чем. Наксос – житница Греции, тут живут крестьяне,

а это знаешь... От зари – до зари! А пить и гулять – это уже потом, если есть на что и силы останутся.

– Так, не разбивайте мне мою мечту! – Арина отпила еще вина из бокала. – Хочу жить на острове! Я согласна от зари до зари! Тут тепло, тут нет слякоти, нет зимы, которая длится восемь месяцев, нет дурацких пробок и метро, грязных подъездов и загаженных помоек, нет смога! У меня невозможно открыть окно – так несет с асфальтового завода, что хоть святых выноси! Уже пятнадцать лет несет, в районе – сплошная онкология, сколько пикетов было, писем в администрацию!

– И что? – спросила Машка сочувственно.

– Да наплевать всем! Ничего не меняется. А здесь – какой воздух! Море, овощи, фрукты! Какой сад можно разбить! Это не на электричке трястись в Пупышево, два часа в одну сторону за ведром помидоров! – Арина в сердцах допила вино из бокала.

– В чем же дело, подруга, мы только за! – одобрительно кивнула Машка и деловито продолжила. – Дело за малым, ищешь местного красавчика, охмуряешь его, выходишь замуж! Мы с Тошей к тебе в гости будем ездить!

– Если бы! Где я, а где «охмуряешь»! – загрустила Арина. – И вообще, я считаю, что замуж надо выходить по большой любви. Я же могу только водой облить по дурости.

– Но, похоже, сработало, – снова странным тоном произнесла Машка. – Держись, Ариш, он к нам идет! Значит так, пусть сперва с родителями познакомит, чтобы убедиться, что он не работороговец! Бедуины не дремлют!

– Ой, да ну тебя! – отмахнулась от нее Арина, но подняв голову, увидела, что подруга не шутит.

Леонидас действительно шел к ним, широко улыбаясь и глядя прямо на нее.

– Мапочки! – сдавленно прошептала она, глядя на приближавшегося молодого грека, как кролик на удава.

– Добрый вечер! – вежливо приветствовал их Леонидас, подходя к их столику. – Извините за беспокойство, я узнал от Катерины, что мы с вами будем несколько дней соседями по вилле. Хотел предложить вам завтра принять участие в празднике местного клуба дайверов. Будет очень интересно!

Машка плохо знала английский. Арина все понимала, но впала в совершенный ступор, только застенчиво улыбалась и краснела. Как всегда, ситуацию спас Антон, с его Военным Институтом иностранных языков за плечами.

– Добрый вечер, присаживайтесь, пожалуйста! – немедленно откликнулся он, видя, что от девчонок толку нет. Привстав, он протянул греку руку. – Меня зовут Антон. Вы Леонидас? Очень приятно! Это вас Арина облила водой на пароме? Бокал вина? Только давайте, я налью, а то она опрокинет снова, не ровен час!

Грек добродушно рассмеялся, весело блестя глазами, крепко пожал протянутую ему руку и сел за стол рядом с Ариной.

Ей отчего-то вдруг стало тепло и спокойно, но английские слова будто куда-то все разбежались. То ли вино так подействовало, то ли присутствие молодого человека. Пятно, кстати, действительно совершенно высохло, как он и говорил. Она еле сдержалась, чтобы не протянуть руку и не потрогать его льняной пиджак.

Антон и Леонидас завели беседу под вино, время от времени Антон переводил, чтобы и Машка понимала, о чем речь.

– Я бы хотел, чтобы вы узнали наш остров как можно лучше! – говорил Леонидас, глядя на Арину. – Буду рад пригласить вас с друзьями на ферму моего отца. У нас прекрасные виноградники на склоне горы, там очень красиво! А какой вид с горы на долину и на море! Вам непременно надо это увидеть! Устроим дегустацию местных вин, как вы на это смотрите? Кстати, это вино тоже с нашего виноградника!

– Ого! – обалдело произнесла Машка вполголоса по-русски, выслушав перевод и толкая подругу под столом ногой. – К родителям тащит! Вот это скорость! Подруга, твой способ знакомства с мужчинами пора патентовать! Вернусь – расскажу всем своим незамужним!

– Мы с удовольствием, спасибо за приглашение! – оглядев девушек, ответил Антон за всю компанию.

Машка сидела, открыв от удивления рот; Арина смущенно улыбалась, не произнося ни звука. Антон покачал головой: толку от них никакого.

– А вино чудесное, нам очень понравилось! Будем рады познакомиться с вашим отцом! – подытожил он.

– Ну и прекрасно! – искренне обрадовался Леонидас. – Кстати, вы останетесь на танцы?

– О, Боже! – вдруг очнулась Арина, указывая друзьям в сторону скамьи. – Глеб!

Их товарищ, похоже, наконец-то пришел в себя и стоял рядом со скамейкой, крутя в растерянности головой, пытаясь понять, где он находится и куда подевались его спутники.

Главное, чтобы он ничего не выкинул снова, отчаянно взмолилась Арина. Только не сейчас! Только не при ее новом знакомом! Нужно срочно увести Глеба отсюда!

– Это ваш друг? – поинтересовался грек, проследив за ее взглядом и о чем-то догадавшись. – Почему он не с вами?

– Он немного устал, – невозмутимо пояснил Антон. – Сейчас он отдохнул, и думаю, что мы отправимся на виллу.

– Да уж, пойдете скорее! – вскочила Арина и добавила уже по-английски: – Леонидас, спасибо большое, нам пора идти, извините! До свидания!

– Гуд бай! – эхом отозвалась Машка.

– Девушки, а как же танцы? – удивленно спросил молодой человек, ставя бокал с вином на стол, приподнимаясь и разводя растерянно руками. – Куда же вы? Ведь праздник только начинается!

Но ему уже никто не ответил. Все трое быстро поднялись и ушли, оставив грека в недоумении за столом. Он видел, как они подошли к скамейке, о чем-то переговорили со своим товарищем и вчетвером направились в сторону парковки к машине с наклейкой «Villa Afrodita» на водительской двери.

Часть вторая



Каждому свое. Святой Франциск Ассизский сказал: «Любой святой сумеет сотворить чудо, но не каждый сможет прилично управлять гостиницей.
Марк Твен.

Вот и пришел тот день, когда Алекс Смолев смог полностью ощутить на себе весь объем хлопот, что выпадает на долю владельца отеля на греческом острове в самый разгар сезона.

Уже за два дня до торжественного открытия все было готово: сверкало хромом и медью новое кухонное оборудование, свежая деревянная мебель, выкрашенная в традиционный ярко-голубой цвет, ждала, когда ее украсят накрахмаленные белоснежные скатерти в синюю клетку и букетики цветов. Печи и жаровни были готовы немедленно начать свое колдовское дело: коптить, жарить, фыркать кипящим маслом, выдавая на-гора груды жареного мяса, рыбы, овощей и морепродуктов.

Но Алекс ждал. Себе он говорил, что ждет на открытие Виктора Манна с семьей из Афин. Но была еще одна причина – Стефания планировала вырваться на пару дней к нему на остров: по проекту госпиталя накопились вопросы, требующие обсуждения на месте. По крайней мере, для себя он именно так формулировал причину ее приезда.

Повар Петрос, крепкий мужчина лет пятидесяти, коренной островитянин, что раньше работал в таверне старой Софии, радостно перешел на работу в таверну к Смолеву. Жарить гамбургеры и замороженную картошку фри у племянника Софии он отказался наотрез. Чтобы укрепить повара в его решении, Алекс предложил ему зарплату, достойную его мастерства, и уже пятый день Петрос, трудясь на кухне виллы «Афродита», не переставая, распевал шуточные амурные песенки про пастушка и дочь мельника, чем очень веселил весь женский персонал.

Ирини в последнюю неделю сдавала дела: по кухне – Петросу, в целом по вилле – Алексу.

Только теперь для Смолева стало ясно, какой гигантский объем работы она выполняла. А еще ему стало ясно, что ему нужна помощница. Катерина на эту роль не годилась. Во-первых, еще молода и неуравновешенна; во-вторых, через годик-другой выйдет замуж за Костаса, пойдут дети, ей станет не до виллы. А тут надо искать кандидатуру на несколько лет вперед, как минимум. В-третьих, самое главное, – она прекрасная старшая горничная и отлично рулит ресепшн. Получить непонятного качества управляющую и оголить два этих важных участка Смолев не мог себе позволить.

Целых три дня он думал, но ничего так и не пришло ему в голову. На утро четвертого дня раздался неожиданный звонок.

– Доброе утро, дядя Саша! – сказала трубка знакомым, с хрипотцой, женским голосом. – Куда-то ты пропал! Третий месяц в Додзе тебя не видно.

– Рыжая Соня! – вскрикнул радостно Алекс. – Боже мой, привет! Как я рад тебя слышать! Как ты, как Фудзивара, как наши?

– Все нормально. Сэнсей в порядке. Ты же его знаешь. Спрашиваю про тебя, он говорит: «Уехал, вернется!» Спрашиваю, когда? Он: «Когда придет время!». По лицу, как обычно, ничего не понять. Не выдержала, сама звоню. Где ты и что с тобой?

– Соня, я в Греции. Уже два месяца. На Кикладах. Все по плану. Ты как?

– Паршиво, дядь Саш, – после паузы произнесла Софья. – Вот и хотела встретиться, поговорить. Мы с Пашкой развелись.

– О, че-ерт! – расстроено произнес Смолев. – Сочувствую, Рыжая. Чем собираешься заниматься?

– Не знаю. Пока ничем. В Додзе хожу почти каждый день, выбиваю пыль из новичков. А они из меня – дурь. Так и колотим друг друга. Фудзивара-сэнсей не возражает.

– Подожди, постой, – вдруг мелькнула в голове Алекса долгожданная светлая мысль. Он вспомнил что-то важное. – Напомни мне, что ты заканчивала?

– Филфак в ранней юности, кафедра английской филологии и перевода. Три года назад второе высшее получила в СПбГЭУ, на кафедре гостиничного и ресторанного бизнеса, у Степановой Светланы Александровны. Да только пробиться сложно, все места заняты. Думаю, пойти с горя к Фудзиваре инструктором в Додзе. Все равно я там и так каждый день. Вот звоню спросить твое мнение, как думаешь, стоит к нему с такой просьбой обращаться?

– Не стоит! – с облегчением выдохнул Алекс.

Удача! Как он мог про нее забыть?! Он ведь прекрасно знал, что она училась на отельера!

– Что, и тут не подхожу? Чем же я вам всем плоха?! – было слышно, как на том конце провода Рыжая Соня обижено засопела. По всем признакам слезы были не за горами.

– Дурында! Подходишь, но мне! Я такими ценными кадрами разбрасываться не собираюсь! – поспешил он ее успокоить.

– Дядь Саш, ты это сейчас о чем? – настороженно поинтересовалась молодая женщина.

– Соня, я купил гостиницу на острове. Если тебе нечем заняться и ты хочешь сменить обстановку, а в твоей ситуации – это самое правильное решение, то жду тебя здесь. Скинь мне данные своей банковской карты по электронной почте, я пришлю деньги на билет и на дорогу. Мне нужна помощница – управлять гостиницей. Небольшой, всего на дюжину номеров. Но есть хозяйский дом, ресторан, таверна, винный погреб, сад! А какие террасы с виноградом! За всем хозяйский догляд нужен. Я три дня голову ломаю, а тут ты. Как же я рад, что ты позвонила!

– Дядя Саша, ты серьезно? – после паузы сдавленно пискнула трубка. Видимо, от неожиданности Соня перхнулась.

– Я тебя знаю уже двенадцать лет, образование профильное у тебя есть, английский ты знаешь, человек ты организованный, – так какого лешего мне еще искать? Кому еще я смогу доверять так, как тебе? – разложил все по полочкам Смолев. – Давай так: если сомневаешься – отработаешь до конца сезона три месяца. Потом решишь, останешься или нет, ок? Шенген у тебя ведь открыт, вы же с Пашкой недавно катались по Европе? Ну и отлично! С рабочей визой попрошу друзей в Афинах тебе помочь. Ну? Что тебя держит? Здесь солнце, море, красивый остров, лето круглый год! Поставлю тебя на довольствие, буду платить зарплату, выделю апартаменты, захочешь – потом маму привезешь. Так ты едешь или нет?

– В Грецию?! Работать с тобой? И ты еще спрашиваешь?! Еду! – немедленно раздалось в трубке. – Уже пакуюсь! Через два дня буду!

– Вот и умница! – радостно заключил Смолев с облегчением. Гора свалилась с его плеч. – Жду электронную почту. Все, отбой!

Софью, которую с детства все называли «Рыжей Соней» из-за ярко-апельсинового цвета волос, а еще и потому, что она с шестнадцати лет – он сам привел ее за руку к Фудзиваре

в Додзе – практиковала Кендо, Смолев знал хорошо и любил, как младшую сестру. Соня лихо управлялась с бамбуковым мечом-синаем, не хуже той воительницы из старого фильма о Конане-варваре, но вот в личной жизни ей везло гораздо меньше.

Мужчины попадались больше слабохарактерные, сдававшие под ее напором. Сначала она превращала их в подкаблучников, а потом они сбежали от нее при первой же возможности к женщинам послабее. Два мужа и два развода к тридцати трем годам – невеселый итог. Детей нет. Живет в Петербурге с мамой-пенсионеркой в бывшей трехкомнатной коммуналке, которую удалось расселить в лучшие времена, когда отец еще ходил в «загранку» штурманом на сухогрузах под сингапурским флагом.

Когда Сониного отца списали на берег по состоянию здоровья, ему не было и пятидесяти. Смолев знал его лично, они неоднократно общались. Нормальный мужик, но тоска по морю не отпускала его ни на миг. На суше он так и не приспособился. Начал пить с тоски. Через пять лет – инфаркт, еще через год – второй. Третий и свел его в могилу. Тогда Соня развелась в первый раз, буквально через год выйдя замуж за Павла – спарринг-партнера по Додзе, куда он пришел «укрепить волю и дух».

Выходит, что они прожили три года с Пашкой и развелись. Печально, с одной стороны. С другой – он никогда не мог понять, что она в нем нашла. Абсолютно безвольное существо, живущее по маминой подсказке. От цвета шнурков до выбора спутницы жизни. Его первой жене мама тоже подсказывала цвет обоев и состав фарша для котлет, что «любит ее мальчик». «Мальчику» уже тогда было глубоко за тридцать. С Соней такой номер не прошел, естественно. Видимо, чувствуя поддержку, сын взбунтовался против родительницы. Та, женщина с большим житейским опытом и тремя браками за спиной, поступила мудро – сделала вид, что сдалась. «Мальчика» хватило на три года.

Все ясно, вздохнул Смолев. Не удивлюсь, если он вернулся к мамочке. Да лишь бы был здоров! Зато, как удачно все складывается. У него будет управляющая! В том, что Рыжая Соня справится, у него не было ни малейших сомнений. Он хорошо знал ее по Кендо. Соне надо было лишь поставить задачу. Объяснять дважды никогда не требовалось. Прекрасно организованная и волевая натура, она всегда добивалась нужного результата.

Зазвонил телефон на столе, Алекс включил громкую связь.

– Эй, ты, капиталист-плантатор! Рабочего класса эксплуататор! – веселый голос Виктора Манна бодро ворвался из телефонного динамика в тишину номера чеканной пионерской речевкой. – Ты еще ждешь нас в гости?

– Нашел эксплуататора, стихоплет! Хорош капиталист – всем зарплату прибавил! – пробурчал Смолев. – Давно все готово, второй день жду, когда ты определишься! Порадуй старого друга! Вы едете ко мне на открытие таверны? У меня креветками и кальмарами все забито – есть пора!

– Значит, ты хитрый и коварный эксплуататор! Заманиваешь к себе на работу, а потом выжмешь из персонала все соки! – рассмеялся Виктор. – И правильно, пусть работают как следует! Радуют качеством сервиса постояльцев. Меня, например!

– Так, полковник, ты мне на вопрос можешь ответить четко, бодро и ничем не отвлекаясь? – перефразировал Смолев строчку из общевойскового устава, известную им обоим. – Мне еще шарики надувать!

– Полковник?! Нет, брат, шалишь! Бери выше! – продолжал шумно веселиться динамик.

– Товарищ генерал?!

– А что, не одного тебя повысили с туриста до рабовладельца! Ладно, Саша, едем мы, едем! Послезавтра будем у тебя первым рейсом из Афин. Шарики мы тебе надуем, не переживай! Мои мелкие надут все, что угодно, главное, их вовремя остановить! – он сделал паузу и кротким голосом осведомился: – Тут жена интересуется, будет ли Стефания? Она говорит, что они сильно сдружились в прошлую поездку.

– Начинается!.. – тоскливо произнес Алекс. – Сколько раз говорить: мы – коллеги!

– Да-да! А я что? А я ничего! – ухмыльнулся в трубку генерал Интерпола. – И все-таки?..

– Должна быть как раз к открытию. Много вопросов накопилось по госпиталю, пора определиться с местом и уже подавать заявку в местный комитет по землепользованию, утверждать техническое задание на проект, искать толкового дизайнера и архитектора с опытом проектирования медицинских центров... – начал было перечислять Смолев.

– Всё-всё-всё! – перебил его Манн и крикнул: – Тереза, он её пригласил, – и она приедет!

– А, чтоб тебя! – беззлобно выругался Смолев. – Доведёте вы меня! До обета безбрачия!

– Алекс, добрый день! – взяла Тереза телефонную трубку у мужа. – Я хочу вас поблагодарить за приглашение, прошлый раз мы просто чудесно отдохнули! Дети были в полном восторге! Простите еще раз за ту вазу в коридоре, мне ужасно неловко!

– Тереза, добрый день! Глупости! Не переживайте за вазу, ее уже склеили. Захотят – смогут снова разбить с легкой душой. Клей еще остался.

– Нет, нет, такого вандализма на вашей замечательной вилле я больше не допущу. Какое у вас чудное место! Сколько лет живу в Греции, а такого моря не видела! И вашу кухню рекламирую всем своим знакомым. Ваши кальмары и креветки – просто объеденье! Вам будут звонить от меня супружеские пары, пожалуйста, не откажите им в гостеприимстве!

– Всем поможем, всех ждем в гости! Но вас с семьей – прежде всего! Тереза, поторопите супруга, а то я его знаю, начнется: дела задержали... Через два дня открытие таверны, в шестнадцать часов!

– Будем, будем, ябеда! – снова услышал Алекс голос друга. – Все, обнимаю, отбой!

Алекс отключил кнопку громкой связи и вышел на балкон.

В этом номере ему осталось прожить еще дня три, до отъезда Ирины на материк. Потом он переселится в хозяйские покои. Они значительно просторнее, комфортнее и больше подходят для длительного проживания – настоящий дом на территории виллы: три спальни с балконами и персональными удобствами, огромный холл, гостиная, обеденный зал, отдельная кухня, кабинет в небольшой башне – самой высокой точке виллы, откуда вели ступеньки на крышу. Огромный дом для большой семьи, где род Аманатидисов жил более двухсот лет. Теперь он будет жить один, разве что друзья, приезжая погостить, будут составлять ему компанию. Три спальни для него – точно перебор.

Уж лучше пусть живут на хозяйской половине, решил он, чем в стандартных номерах. Правильно, превращу-ка я спальни в гостевые комнаты! Мне хватит одной небольшой спальни и кабинета, подумал Алекс, они как раз рядом. Питаться все равно будем все на террасе или в таверне, так что кухню можно превратить в бар для вин из погреба. Прекрасная мысль!

Не расслабляйся давай, сам себя одернул он. Дел у тебя еще по горло! Набрал номер ресепшн и нажал кнопку громкой связи.

– Катерина, это я. Что у нас с постояльцами? – поинтересовался он.

– Ой, босс, добрый день, сегодня еще не здоровались! – обычной скороговоркой выпалила старшая горничная. – Все номера, кроме тех, что вы бронировали для своих друзей, все заняты! То есть, вся большая галерея наполнена! Малую мы не трогали. На ближайшие две недели свободных номеров нет!

– Это очень хорошо, просто замечательно! – одобрил он, задумчиво черкая карандашом на фирменном бланке гостиницы, что лежал перед ним на столе.

Странно, что она еще не ответила, вдруг подумал Смолев. Официальное приглашение на бланке виллы он послал по электронной почте еще два дня назад и продублировал по смс. Звонить постеснялся, решил, что его неправильно поймут. Может, стоило все-таки позвонить? Детский сад какой-то! Снова заныл старый шрам на виске, Алекс привычно растер его пальцем.

– Вам перечислить, кто где живет, босс? – поинтересовалась Катерина и, не дождавшись ответа, застрочила, как из пулемета: – Итак, босс, в первом номере – пара из России, Антон

и Мария Цветковы, муж и жена. В соседнем, втором номере, поселилась их подруга – Ариадна, правда, интересно? Ариадна на Наксосе! Все, все, не отвлекаюсь, босс! Так, в третьем номере – молодой человек тоже из их компании, Глеб Перм... Пермьяков, так кажется, – с трудом говорила она сложную фамилию. – В четвертом – молодая пара итальянских студентов из Неаполя: Риккардо и Габриэлла Буджардини, муж и жена, два года, как поженились. Очень любят пасту! Как выяснилось, час спорили с Петросом, как нужно варить спагетти, представляете? Такая битва была! Даже звонили в Неаполь, консультировались! Оказывается, что у Риккардо отец держит в Неаполе ресторанчик на набережной! Оба кругленькие, румяные, как пончики! О чем это я? Ах, да! В четвертом номере – греки с материка, что давно живут, пенсионеры. Ну вы их знаете, Пападопулосы, милые такие старички. Все горюют, что Ирини уезжает на материк. В пятом – после того, как Мария перебралась на хозяйскую половину, поселились две французские студентки из Сорбонны, говорят, что они в прошлом году здесь отдыхали, им очень понравилось. Странно, но я их не помню. Мари и Селестина, веселые такие парижанки. Спрашивали про своего профессора, Мартена, я ничего не стала им говорить, босс! Вы уж как-нибудь сами... В шестом у нас по-прежнему семья Тосканелли в полном составе. Про кошку молчу, молчу! В седьмом – молодые люди из России, веселая троица, три дня как заехали. Спортсмены. Они с раннего утра уезжают на арендованном авто за ветром – и до позднего вечера. Серфингисты и дайверы. Познакомились с парижанками, второй день вместе тусят! Сейчас гляну, как зовут. Неважно? Ну ладно, босс. Так, дальше... А, собственно и все! Восьмой же номер мы закрыли по вашему распоряжению, до реконструкции. И правду сказать, кто туда вселится? В монастыре условия лучше! Еще у Димитроса и Ирини на хозяйской половине гостит молодой Спанидис, сын Иоанниса. Уедет через три дня. Англичане Бэрроу с Кристиной в Афинах до конца месяца, оформляют документы на получение премии за клад; Лили звонила сегодня утром, сказала, что все идет хорошо, за пару недель им все оформят окончательно. Мы для них бронируем снова их номер с первого числа. В общем, как-то так!

Все время, пока Катерина бодро докладывала ему обстановку с заполнением номеров, Алекс задумчиво рисовал на бумаге черточки и волнистые линии, которые сами собой неожиданно складывались то в парусник, борющийся с ветром, то в кипарис у дороги, то в знакомый профиль с ямочками на щеках...

Мелодично просигналил сообщением айфон. Алекс поднял глаза от рисунка. Наконец-то!

«Конечно, я приеду к вам, Алекс, раз вы меня зовете! Вы непростительно долго тянули с приглашением. В следующий раз – просто позвоните, мне будет приятно!»

– Босс, а босс? – удивленная и встревоженная его долгим молчанием произнесла горничная. – У вас все в порядке? Что-нибудь не так? Или я что-то не то сделала?

– Все отлично, Катя, – ответил Алекс, улыбаясь своим мыслям. – Ты – просто умница! Вот теперь у нас все просто замечательно! Готовимся к открытию таверны, праздник через два дня!

Часть третья

Несчастные случаи — очень странные штуки. Они обычно случаются совершенно случайно!

Алан А. Милн, «Винни-Пух и все, все, все».

После разговора с отцом по телефону Глебу снова, до зубовного скрипа, до дрожи захотелось выпить. И не просто выпить, а выдернуть зубами пробку и, запрокинув голову, вливать в себя коньяк до полного изнеможения; вливать до тех пор, пока есть силы глотать эту обжигающую жидкость.

Коньяк действовал быстро — каких-то двадцать минут — и он уже совершенно не сообщал, где он и что с ним. Зато уходила эта боль, раздирающая душу: боль и обида на отца. Потом, всплывая вместе с ним из мрака небытия, его накрывало тяжелое, удушливое похмелье, выворачивающее внутренности и иссушающее глотку, когда было так плохо, что он почти умирал. Но дня три-четыре после этого, а то и неделю он мог сносно существовать, пребывая в каком-то тумане, отупевший и измученный, но загнавший боль куда-то глубоко внутрь.

Отцу всегда было на него плевать. Сколько он себя помнил.

Глава и единственный владелец крупного концерна, создавший корпорацию с нуля «своим собственным горбом», как любил он говорить по поводу и без, Дмитрий Викторович Пермяков был человеком жестким, властным и чуждым любого рода сантиментов. «Бизнес — прежде всего!» Этот человек сделал себя сам.

Доктор химических наук, профессор, обладатель сорока патентов на уникальные изобретения, производственник, сумевший не только шагнуть в прикладной химии гораздо дальше других своих коллег, но и успешно превратить свои изобретения в деньги. А на это способны лишь единицы. Волевой, умный и харизматичный, еще двадцать лет назад он создал с друзьями небольшое химическое производство, которое с тех пор превратилось в огромный концерн с миллиардными оборотами.

Старший Пермяков был из тех, кого называли «капитанами промышленности». Он действительно умело лавировал в бурном океане российского рынка, ловко обходя мели запутанных законов, скалы министерских отраслевых ограничений и айсберги налоговых проверок.

Между отцом и сыном в последние несколько лет отношения испортились совершенно.

Глеб горько усмехнулся. Испортились? Да их и вовсе не было!

Сколько он себя помнил, отца никогда не было рядом. Мать всегда объясняла его отсутствие занятостью на работе, пряча от сына заплаканные глаза.

Отец не бывал дома неделями, а когда появлялся, то первые пару дней они с матерью еще сносно общались, потом мать не выдерживала и высказывала отцу все, что накопилось. Отец молча выслушивал все претензии. Надо отдать ему должное, выдержка всегда была железной. Потом говорил жене: «Дура! Для вас ведь стараюсь!», бросал на цветастую клеенку очередную пачку денег и уходил, хлопнув дверью. Сначала в институт или по друзьям, а потом, когда оборудовал роскошные апартаменты в новом офисном здании, то не бывал дома уже месяцами, присылая деньги сперва с водителем, а потом и просто переводя матери на карту.

Родители развелись, когда Глебу исполнилось шестнадцать лет. Такой вот подарок на день рождения, — он до сих пор им этого не простил. Впрочем, отец сроду не помнил про его день рождения. И когда мама вручала сыну празднично запакованные свертки, «этот от меня, а этот — от папы», он понимал, что отец не имел к этому никакого отношения, просто мать не хотела его расстраивать, купив на отцовские деньги дорогой подарок.

К слову сказать, отец никогда не был скрягой. Деньги он матери давал щедро, значительно больше, чем требовалось на жизнь. Впрочем, Глеб быстро понял, что эти суммы, казавшиеся

ему крупными, в доходах его отца составляли ничтожный процент. Пермяков-старший уже давно был мультимиллионером. И не в российских рублях.

Когда Глеб подрос, отец неожиданно стал чаще проявлять интерес к его судьбе, если так можно сказать о паре звонков в месяц с вопросом: «Ну как ты, жив-здоров?».

Когда Глебу исполнилось двадцать, отец вдруг пригласил его в свой особняк в Комарово, где жил с новой женой и сыном Максом.

Сводного брата Глеб увидел впервые. Тому было шестнадцать, а жена Пермякова-старшего – Ольга – работала на предприятии отца с момента его создания. Начинала бухгалтером, а теперь занимала пост финансового директора.

Не надо быть гением, чтобы сложить два плюс два. И Глеб сложил. И именно тогда он впервые напился. От обиды за мать, за себя, за свое сиротское детство при живом отце. Он пил раритетный французский коньяк большими фужерами, стремительно хмелея. А потом его словно прорвало, как прорывает бурная река плотину, сложенную из старых и сгнивших бревен. Он с упоением, глядя отцу в глаза, высказал все, что он про него думал: про его ложь, про его проклятую работу; все свои детские и подростковые обиды. Он спешил, захлебываясь и брызгая слюной, пока мог связно говорить. Потом он замолчал и не помнил, что было дальше...

Очнувшись на следующий день уже в своей постели. Мать сказала, что его, бревно-бревном, привез отцовский водитель и помог ей донести тело до кровати.

Мать отпаивала его чаем и травяными сборами.

На второй день он пришел в себя и смог уже встать и ходить по комнате. Заметив на столе фирменную папку отцовского концерна, оставленную водителем накануне, он раскрыл ее и долго отупело смотрел на содержимое. Документы на машину, права, страховка и два комплекта ключей с фирменным знаком мерседеса. Все оформлено на его имя. Сверху лежала открытка, где быстрым и четким отцовским почерком было написано: «С днем рождения, сын!».

На ватных ногах он подошел к окну, выглянул во двор. Хищный спортивный автомобиль черного цвета стоял под его окном, слегка запорошенный снегом, что шел со вчерашнего дня.

Безразлично оглядев первый в его жизни отцовский подарок, он задернул шторы и вернулся в кровать. Потом, приподнявшись, схватил со стола папку и со всей силы зашвырнул ее за шкаф, в дальний угол. Там она проваляется несколько месяцев. Потом он продаст мерседес, так ни разу и не сев за руль. Продаст первому же покупателю, не торгуясь. Деньги уйдут сквозь пальцы, как песок.

Почти три года они с отцом не общались совершенно.

Глеб игнорировал его редкие звонки, потом и вовсе занес его телефон в черный список. К тому моменту Пермяков-младший уже с отличием окончил Технологический институт по профилю «Химическая технология неорганических веществ» и поступил в аспирантуру. Гены ему, по всей видимости, достались неплохие.

«Светлая голова!» – говорили про него на кафедре. – «Весь в отца, далеко пойдет!».

Он уже выбрал тему для кандидатской и целый год работал над ней, когда встретил Ариадну. Стройная блондинка, спокойная и застенчивая, первая из всех, с кем он до того общался, смогла его выслушать не перебивая и не отвлекаясь на темы о шмотках-концертах-клубах, когда он рассказывал о своей работе. Они стали изредка встречаться, ходить по галереям и музеям, благо, в Петербурге с этим нет проблем. Ариадна, для друзей – Арина, училась на архитектора, и ее интересовало классическое искусство. Потом возникла эта идея – проехать всю Грецию, побывать на Кикладах. Молодая семейная пара ее друзей составила им компанию. И все было бы хорошо, если бы отец снова все не испортил.

Незадолго до отъезда Глеба ждал неприятный сюрприз. Отец приехал на кафедру и беседовал с деканом, своим давним товарищем. О визите Глеб узнал от самого декана, который

пригласил аспиранта в кабинет и долго благодарил его за помощь, что оказало предприятие его отца кафедре – за новую компьютеризированную химическую лабораторию. До этого в Петербурге такая была лишь в единственном числе – на предприятии самого Пермякова-старшего.

Декан прямо дал понять Глебу, что отныне того ожидает блестящее будущее, полная поддержка со стороны кафедры и ректората. О кандидатской можно было даже не беспокоиться, что там кандидатская! Докторскую пора начинать писать!

«Может, сразу в академики? Или в члены-корреспонденты? Чего уж мелочиться-то!» – ядовито поинтересовался Глеб у совершенно растерявшегося декана. «Меня кто-нибудь спросил, чего хочу я?».

Он так хлопнул дверью кабинета, уходя, что со стены в приемной упал портрет Менделеева. Рама треснула, стекло выпало и разбилось. Сам Дмитрий Иванович глядел с обнажившегося портрета на происходящее строго и неодобрительно.

Луиза Андроновна – опытная секретарша с тридцатилетним стажем – всполошенно бросилась в кабинет к шефу со стаканом воды и заранее заготовленной валерьянкой.

Ожидавшие в приемной преподаватели и студенты с удивлением и страхом шарахались от взъерошенного Глеба, кипевшего от негодования и возмущения, как от чумного. Он заметил это, и ему стало еще хуже.

«Извините!..» – пробормотал он сквозь зубы и бросился прочь.

Через два дня они вылетели в Афины.

Когда они уже были в Пирее, ему позвонил отец. Не с мобильного, видимо, секретарша соединила.

– Что ты устроил на кафедре? Что это еще за истерика на пустом месте? Что ты себе позволяешь? – жестко начал отец с места в карьер.

– Не лезь в мою жизнь! – ответил Глеб, леденя от ненависти. – Тебя никогда в ней не было, вот и теперь не суйся!

– Идиот! У меня на тебя планы! Ведешь себя, как мальчишка, сопляк! Что за истерики? Впереди столько работы! Думай о будущем! – в голосе отца привычно звучал металл.

– В моем будущем тебя нет, – тихо и горько ответил Глеб и отключил телефон.

И вот в Пирее он впервые напился при Арине. Не сдержался.

Пошел в ближайший бар на пляже, пока они ждали паром, взял бутылку коньяка и выпил ее из горлышка, залпом, прямо у стойки, совершенно ошеломив всех присутствующих. Но ему было плевать. Пусть смотрят!

Через двадцать минут его привычно «накрыло», что было потом – помнил уже смутно. Кажется, кого-то ругал, с кем-то сцепился, дальнейшее – темнота. Очнулся на скамейке, стоявшей почти у кромки воды в тени развесистого платана. Через пятнадцать минут друзья привезли его в гостиницу, где он, отведя взгляд и буркнув что-то неразборчивое, скрылся за дверью своего номера. Сначала отмокал в ванне несколько часов, потом лег в постель и проспал до утра тяжелым беспробудным сном.

На завтрак он вышел хмурым, присоединившись к друзьям, сидевшим за столиком. Арина его игнорировала, что ж, – поделом!

– Слушайте, – сказал он, выпив три чашки кофе подряд. – Я прошу прощения! Я был неправ. Такого больше не повторится!

– Не парься! – ответил за всех Антон. – Держи себя в руках, и все будет путем. Нас пригласили на праздник местного дайвинг-клуба. Ты с нами?

– Конечно, я с вами! – поспешил согласиться Глеб.

Последние полгода он занимался дайвингом в питерском клубе «Морской Дракон», совершил пробное погружение и прошел курс начального уровня «Open Water Diver». Со своим сертификатом PADI OWD он имел право погружаться в любой точке земного шара без контроля инструктора, покупать и брать в аренду дайверское снаряжение. Антон был еще

круче: у него был сертификат дайвера-спасателя – PADI Rescue-diver. Еще не мастер-инструктор, но уже близко к тому. Вот у девчонок это будет первое пробное погружение.

– А снаряжение? – поинтересовался Глеб.

– Я заказал аренду, – кивнул Антон, со вкусом уплетая омлет с копчеными колбасками, – не переживай! На тебя тоже; на каждого, по фамилии – свой персональный комплект. Нам повезло – в гостинице живут еще трое русских парней из Москвы. Пока ты спал – мы все успели перетереть. Они тут четыре дня уже. Виндсерфинг и кайт. Но сегодня тоже будут погружаться. У них все схвачено в местном клубе, свои люди, скидки и прочее. Обещали помочь соотечественникам! Все им продиктовал, включая данные паспортов. Свой сертификат не забудь захватить, ну и паспорт, само собой.

– Не забуду, – пообещал Глеб. Затылок все еще ломило, и несмотря на кофе, состояние было мутным.

– В клубе все подготовят, закачают смесь, останется только подогнать, проверить все на месте да проинструктировать девчонок. Я для них взял местного инструктора, сам буду рядом на подстраховке. Они глубже десяти метров все равно сегодня не пойдут. Кстати, там будет сегодня массовый заплыв! Местному дайвинг-клубу – десять лет! Народные гуляния под водой.

– Ну и отлично. Когда выдвигаемся? – спросил Глеб. Мутное состояние не проходило, печень увеличилась в размере и ощутимо давила на ребра. На еду было больно смотреть. От ароматов свежей выпечки ему становилось только хуже.

– Через пятнадцать минут.

– Ок, – кивнул Глеб, искоса поглядывая на Арину. Та по-прежнему обиженно молчала, не поднимая взгляда от тарелки. – Я тогда на улице покурю, потом захвачу документы и буду ждать вас на нижней террасе, – сказал он и, нетвердо держась на ногах, вышел из-за стола.

Облегчение Глеб испытал только тогда, когда они наконец вошли в совершенно прозрачную, прохладную воду на пляже Айос Георгиос.

Он с наслаждением погрузился, отрегулировал дыхание, как учили и, не дожидаясь девчонок, с которыми вел диалог инструктор на мелководье, взял курс на глубину.

Надо освежиться! Он нырнет и вернется, как раз успеет. Ему казалось, что он парит в прозрачной невесомости, как в космосе.

Мимо проплывали стайки разноцветных рыб, песчаное дно было видно во всех деталях; каждая ракушка, небольшой куст водорослей и донная живность были как на ладони.

Здесь было еще совсем мелко, не более десяти метров. Уйду глубже, решил он. Чуть правее, в ту расселину. Там и вода прохладнее. Голову все еще стягивало головной болью, словно пульсирующим обручем. Дно плавно заворачиваясь, уходило вниз, оттуда на Глеба смотрела густая синева морской глубины.

До тридцати метров вполне можно рискнуть, и вернусь к ребятам, решил он.



Оттолкнувшись ластами, он нырнул еще глубже. Странно, что головная боль не проходила, а наоборот, словно усиливалась с каждым пройденным метром. На глубине в двадцать пять метров он решил, что довольно. Пора возвращаться! Он помахал рукой проплывавшим мимо дайверам во главе с инструктором.

В голове словно бухал колокол, мышцы лица подергивались, а пальцы онемели. В груди разливалось непонятное жжение. Чертов вчерашний коньяк! И до тридцати метров не дошел, а сил уже не осталось. Внезапно его тело пронзила острая боль – все мышцы тела свело судорогой. В панике он забился, задевая ластами за край скалы, взбивая песок в мутное облако.

Судорога гнула и корежила его, полностью перекрыв дыхание.

Глеб дернулся раз, другой и безвольно затих, медленно опускаясь на дно, раскинув в стороны руки, похожий на огромную морскую звезду. Широко раскрытые, налившиеся кровью глаза смотрели вверх. Но инструктора, что, оставив группу, спешил к нему на помощь, Глеб уже не видел.

Часть четвертая

Так всегда в жизни: мы-то стараемся, строим планы, готовимся к одному, а судьба преподносит нам совсем другое!
Пьер де Бомарше.

После того, как машина «Скорой помощи» увезла Глеба в бессознательном состоянии в госпиталь, друзья отвели рыдающую Арину на виллу «Афродита».

По хмуро сосредоточенным лицам парамедиков и по той скорости, с которой они двигались, ребята поняли, что дело плохо! День был испорчен бесповоротно. Машка тоже то и дело шмыгала носом, но изо всех сил старалась не разреветься. Антон растерянно размышлял, как могло такое произойти, что оставив их на мелководье, Глеб вдруг рванул на глубину, откуда его спустя пятнадцать минут уже без сознания вытащили двое местных инструкторов-спасателей?! Ничего не понятно. Все так быстро произошло, что никто не успел ничего сообразить. Хорошо хоть, у них здесь все отработано до автоматизма. Пока один оказывал первую помощь – второй уже вызвал бригаду врачей, дежурившую неподалеку.



Леонидас Спанидис, молодой грек, что пригласил их на праздник, был совершенно расстроен и подавлен, словно это он заставил Глеба нарушить все правила безопасности и стал виновником происшествия. Он догнал друзей уже у входа на виллу. На нижнюю террасу они зашли вместе.

– Мне так жаль! – все время повторял он, глядя на Арину полными сочувствия глазами. – Просто ужасно жаль! Я надеюсь, что с вашим другом будет все в порядке! Здесь очень хорошая больница, поверьте, прекрасные врачи! К сожалению, такое случается каждый сезон, и врачи знают, что делать в таких случаях! Прошу вас, не плачьте!

Арина продолжала рыдать.

Машка усадила ее на стул и беспомощно оглянулась на Антона.

В это время на нижнюю террасу с галереи по своим делам спустились двое мужчин: один – подтянутый брюнет с серыми глазами и другой – загорелый, похожий на борца, крепыш с совершенно гладкой, как бильярдный шар, головой.

Сложно было подобрать пару более непохожих внешне друг на друга людей. Даже ростом они отличались – брюнет был выше почти на голову. Но, приглядевшись, внимательный наблюдатель отметил бы что-то общее в их жестах, манерах, походке. Подумав, он бы сказал, что эти двое, видимо, прошли одну и ту же серьезную школу.

Оба двигались мягко, не делая лишних движений, но грозная сила и готовность к броску в любой момент ощущались сразу. Так ведут себя хищники, которых лучше не тревожить и не дразнить.

– Вот! О чем я тебе и толкую! Видишь, персонал от тебя уже плачет! – раздался на лестнице громкий русский бас. – Феодал, как есть феодал! Кирила Петрович Троекуров!

Все подняли глаза. От удивления Арина даже приглушила рыдания.

– погоди, Витя, – произнес Смолев. – Это не персонал. Это гости. Здравствуйте, ребята! – поздоровался он, подойдя поближе. – Меня зовут Алекс, я хозяин виллы. Я так понимаю, вы живете в первом и втором номерах. Почему вы плачете, девушка, что стряслось?

Верный профессиональной привычке, Манн отозвал в сторону Леонидаса и завел с ним параллельно разговор на греческом, пока Антон докладывал ситуацию Смолеву.

– Все ясно! – подытожил Манн, став сразу серьезным и внимательным. – Несчастный случай. Хотя... Ты же знаешь, как я не люблю эту тухлую формулировочку. Если каждый несчастный случай поскрести как следует – оттуда полезет такое, что диву дашься! Давай-ка я наберу главврача, что он мне скажет?

Он отошел чуть в сторону и, набрав номер, завел разговор по-гречески уже с главврачом. Закончив говорить, он пару минут что-то обдумывал, потом сказал подошедшему Смолеву вполголоса:

– Слушай, там такая тема: врач говорит, что у парня налицо серьезное отравление кислородом. Ему крупно повезло, что его вытащили грамотные спасатели, сделав все, как надо еще в воде, а потом и на берегу. Но тем не менее... А ты не дайвер?

– Нет, – мотнул головой Смолев, – но в планах есть!

– «В планах»! – пробурчал Манн. – Тогда долго объяснять. Вот что, озадачу-ка я сперва нашего друга Антонидаса. Давно он без дела сидит! Раскрасим его день в счастливые тона: экспертиза нужна позарез. Как чего? Той снаряги, с которой парень нырял. Есть у меня мысль одна, но об этом позже. А ты давай ребят успокой: парень в реанимации, жить будет! Но два дня, как минимум, проведет в интенсивной терапии. Навещать они его не смогут. Пусть по острову покатаются, отвлекутся. Ничем они ему сейчас не помогут, только под ногами у нас будут путаться. Через два денька я сам попрошу доктора, чтобы их к нему пустили ненадолго. Да и ты сходишь, поговоришь с ним. Давай, отправляй их! Я пока с Антонидисом поговорю.

Смолев все так и объяснил друзьям, потом по-английски повторил для младшего Спанидаса. Грек встрепенулся и снова повторил свое приглашение посетить виноградник отца и погостить пару дней.

– Правильно! Отличная идея! – поддержал Алекс. – Я там был, место красивейшее. Горы, виноградники, вид на остров потрясающий. Я дам Леонидасу машину, поезжайте. Когда вернетесь, мы сходим вместе в больницу. Хорошо?

– Мы переживать будем, – робко сказала Машка, оглядываясь вопросительно на мужа.

– Само собой! Мы все будем переживать. Поэтому Катерина – дежурная на ресепшн, она говорит по-русски – будет каждые три часа уточнять в больнице состояние вашего товарища и слать вам смс, договорились?

Антон посмотрел на девушек, те – на него. Арина взглянула на грека, он подбадривающе улыбнулся девушке.

– Хорошо! – сказала она, наконец решившись.

В самом деле, чего сидеть рыдать? Бабушка всегда говорит: «Слезам горю не поможешь!». Просто все так неожиданно произошло, она еще не пришла в себя.

– Но если что-то случится, ему станет хуже – мы сразу вернемся!

– Разумеется, – кивнул Алекс, – это правильное решение. Поезжайте!

Ребята поднялись на галерею и разошлись по номерам, договорившись через час встретиться у машины на парковке.

– Ты что-то подозреваешь? – задумчиво поинтересовался Алекс, провожая их взглядами. – Или кого-то из них? Поэтому отправил их покататься подальше? Да и Леонидас за ними присмотрит, я так понимаю? Ты его попросил?

– Само собой! – легко признался другу генерал Интерпола. – Знаешь, на меня эти смазливый мордочки в слезах давно не действуют. Помню, рыдала у меня на допросе одна красотка: Барби отдыхает! Ну как на нее подумаешь! Такая милота! Стыдно даже голос повысить: глазницы голубые – голубые; на ресницах слезинки, пухлые губы дрожат так по-детски... Я тогда сперва ей поверил, – молодой был, неопытный. Но мой шеф меня живо привел в чувство. Это уже потом выяснилось, что она убила своих мужей – всех троих; трупы расчленила прямо на кухне столовым ножом и вывозила на городскую свалку в фирменных пакетах от «Рив Гош»! Целая технология! Она-то ее и подвела. Хоть бы пакеты меняла, что ли... Здесь дело такое: может, – они, а может, – и не они. Дождемся экспертизы, опросим свидетелей, изучим заключение медэкспертизы, пообщаемся с пострадавшим...

– Постой, постой! – ошеломленно произнес Алекс. – Ты же сказал...

– Я знаю, что я сказал, капитан! Теряешь хватку! – процедил Манн. – А если кто-то из них приложил руку к «несчастному случаю», то что? Хотя бы этот амбал с явно армейским прошлым? Я бы такого в свой спецназ взял, не раздумывая. Кто он, откуда, чем дышит, чего хочет? Вот то-то и оно! Не хочу, чтобы у них была возможность или скрыть улики, или довести начатое до конца. Кстати, я дал команду Антонидису: у палаты выставят пост круглосуточной охраны.

– Ты думаешь?... – не договорил Алекс.

– Вполне вероятно! – кивнул глава Национального Бюро. Они давно понимали друг друга с полуслова. – Там не все так просто. Врач сказал, что парень отравился смесью, в которой кислород просто зашкаливал. Есть такие смеси для специальных погружений. Называются «найтрокс» или «нитрокс». Составное слово от Nitrogen – азот и Oxygen – кислород. В России называют «кислородно-азотная смесь». Используются для подводных погружений профессионалами на больших глубинах. Есть две стандартные смеси: нитрокс-32 и нитрокс-36, где число – процентное содержание кислорода в смеси, понял?

– А в стандартном варианте?

– В стандартном варианте, на тех глубинах, что здесь новички ныряют – 78% азота, 21% кислорода, около 1% на остальные газы. Поэтому, если дайвер-любитель перепутает баллоны, или ему кто-то закачает в баллон не ту смесь из компрессора, или баллоны специально подменяют – усекаешь? – то на глубине около двадцати пяти – тридцати метров его накроет кислородное отравление. Судороги, а потом, – как говорит один мой знакомый патологоанатом – терминальное состояние! Вот так! Понимаешь, о чем я? – похлопал Виктор друга по плечу. – Ждем весточки от Антонидиса, дальше будем думать. А пока – развлекать наших обольстительных дам!

– Это святое! Это мы с нашим удовольствием! – кивнул головой Алекс. – Но подожди, если диагноз уже есть – кислородное отравление на глубине обогащенной смесью, то что такого интересного ты хочешь узнать от инспектора?

– Старшего инспектора! – рассмеялся Манн. – Его тоже повысили за прошлые заслуги, ты не знал? Что ты! Парень расцвел! Да, так вот, понимаешь, доктор сказал, что помимо кислорода было там еще кое-что, он сомневается, будет еще делать тесты, но тем не менее...

– Что еще? Что ты тянешь, как кот за хвост!

– Угарный газ, Саша. Вот ведь в чем дело! Доктор подозревает угарный газ. По каким-то клиническим признакам. Он в подробности не вдавался, а я не допытывался. А это уже, друг мой ситный, явный криминал! Ты помнишь, сколько отводится на все остальные газы? Один процент? А если там было пять только угарного? А на тридцати метрах будет все пятнадцать, каждые десять метров вниз шелкает по атмосфере в плюс, просекаешь? Специалист работал, вот что! В такие нюансы вдавался! Если мои догадки подтвердятся, боюсь, мы имеем дело с профи!



– Почему ты так решил?

– Сам посуди: ведь можно было обойтись и без угарного газа. Но он знал, что нитрокс даст нужный ему эффект только на тридцати метрах. А вдруг парень бы на тридцатку не пошел? Удивительно, что его вообще туда понесло! Наверно, после вчерашнего плохо соображал, что делает. Со слов грека, он видел этого Глеба Пермякова вчера у твоей таверны на скамейке в состоянии грогги. Почему он пошел на глубину, а не остался со своей девушкой? Вон его друзья, судя по рассказу грека, бултыхались на мелководье. Кстати, тот же Спанидис сказал мне, что у этого бугая – Антона – есть сертификат дайвера-спасателя. Понимаешь? Уж он эти все нюансы точно сечет. Так вот, про угарный газ – это такой контрольный выстрел был, чтоб наверняка! Он бы и на десятке сработал. Но тут он рискнул и прокололся. Если бы баллон был просто с нитроксом, можно было бы сказать: ах, перепутали случайно, с кем не бывает? Не повезло парню! Недогляд, оплошность, максимум, халатность! Праздник, много людей и прочая, и прочая... А тут явно и сознательно парня хотели пустить на тот свет, да еще и с гарантией.

– Думаешь, заказ?

– Не исключено. Давай-ка я про этого парнишечку у коллег в Санкт-Петербурге справочку попрошу: кто, где, откуда. Обычно, это помогает. Сегодня попрошу, завтра с утра будем понимать, куда бежать!

– Постой, погоди! Ты же отдыхать приехал! Меня Тереза живьем съест!

– Ну-ну! Во-первых, я и отдыхаю! Маленькие головоломки не в счет! Во-вторых, не наговаривай на мою любимую женушку! А вот, кстати, и она! И не только! – толкнул Виктор друга локтем в бок, показывая кивком на лестницу, после чего произнес вполголоса, знакомо грасируя: – Конспирация, батенька, и еще раз конспирация!

Вслед за Терезой шла и Стефания в длинном греческом платье-тунике цвета шафран, обворожительно улыбаясь Алексу. Этот цвет прекрасно гармонировал с ее загорелой кожей.

– Девушки, – склонился в восхищенном поклоне Смолев. – Вы прекрасны!

– Благодарим вас, Алекс! – ответила Стефания с лукавой улыбкой. – Мы готовы к ужину! Заметьте, вы ждали нас совсем недолго! Но моя мама меня всегда учила, что нужно выждать час, как минимум, – тогда эффект просто гарантирован!

Алекс галантно поцеловал ей руку, и заглянув в зеленовато-карие глаза с резвящимися бесенятами, негромко произнес:

– Вас, Стефания, я бы ждал и дольше!

– Ну что, мальчишки, хорошо вы тут повеселились, пока мы были наверху? – поинтересовалась Тереза, целуя мужа в щеку.

– Бесподобно! – нашелся Виктор Манн, протягивая руку жене.

Что значит «классическое образование», усмехнулся Смолев и предложил руку Стефании.

В таверне «У Ирины и Георгиоса» их уже ждал накрытый праздничный стол.

Часть пятая

*Любовь – это когда хочешь пережить
с кем-то все четыре времени года.
Рэй Брэдбери, «Вино из одуванчиков».*

На огромной веранде с дощатым полом, нагретым за день солнцем, за длинным столом с белоснежной скатертью собралась вся семья Спанидисов; пришли родственники и из деревушки неподалеку. Старший Спанидис достал из погреба дюжину бутылок своего лучшего вина. Был повод!

После года отсутствия вернулся на остров сын хозяина и наследник семейного дела – Леонидас. Говорят, что проходил практику в крупнейших винных хозяйствах на материке, постигая тонкости этой сложной науки у самых известных мастеров.

Вернулся взять в свои руки хозяйство, и то правда, пора уже, не мальчик! И не один вернулся, привез друзей, а еще, шептались, пересмеиваясь, его сестры, девушку привез! Да такую необычную, что даже из деревни земляки приходили на нее посмотреть, маскируя любопытство желанием узнать последние новости с большой земли. Красивая, волосы цвета спелой соломы – редкость; у них на острове таких не бывает! Глаза голубые, как море, что омывает остров; фигурка точеная, гибкая, словно лоза!

Сестры сразу смекнули, что к чему! Пусть брат и говорит, что знаком с ней всего два дня, что пригласил троих друзей лишь из желания показать остров и семейные виноградники, чтобы хоть как-то скрасить неприятное событие, произошедшее с их товарищем на пляже...

Все бы так, но брат смотрел таким восторженным взглядом на приезжую красавицу из далекой заснеженной страны, таким нежным голосом говорил с ней и так счастливо улыбался, что сестры, да и мать, догадались обо всем.

Сколько можно было ее сыну думать только о делах фермы? Разве хорошо, когда на сердце пусто? Никогда не сделать доброго вина, если нет любви в сердце винодела, – не выйдет, только зазря пропадет добрый урожай!

Матушка Мелитина светло улыбнулась и с гордостью посмотрела на своего Иоанниса, что сидел во главе стола. Такая простая истина, а сколько надо прожить, пока поймешь! Слава богу, сын почувствовал, что пора. Какая красавица! Да еще и зовут ее – Ариадна! Разве не знак судьбы? Яснее некуда!



Уже несколько часов они сидели за столом. Сердечное греческое гостеприимство снова поразило троих друзей и душевным застольем, когда хозяйева делали все, чтобы гости чувствовали себя как дома, и обильной трапезой из домашних крестьянских припасов: такого количества вкуснейших домашних сыров Арина не пробовала никогда.

В гравьеру, предложенную на блюде с зеленым виноградом асиртико и лесными орехами в тимьяновом меду, она просто влюбилась: в сочетании с белым вином он был великолепен!

Ягнятина с местными травами, томленная на медленном огне, просто таяла во рту!

А домашние пироги с зеленью, сыром и бараниной от матушки Леонидаса – пожилой, но еще очень крепкой крестьянки с добрыми глазами на очень подвижном, живом лице – напомнили бабушкину стряпню до такой степени, что в какой-то момент Арина почувствовала себя как дома – даром, что греческого она не знала и совершенно не понимала, что вокруг них говорилось.

Леонидас переводил прямые вопросы, обращенные к ним, с греческого на английский для Антона как самого толкового лингвиста – а тот уже переводил с английского на русский для девчонок, если его рот в этот момент не был занят куском очередного превосходного блюда, которыми их щедро потчевала радушная хозяйка.

Обратный перевод в три этапа тоже требовал немало времени и усилий, так что скоро они просто улыбались, чокались – Ямас! – и наслаждались трапезой, превосходными винами и потрясающим видом с террасы крестьянского дома на горный склон с виноградниками и солнце, что клонилось к западу, уходя за гору.

– Машка-а! – восторженно протянула Арина. – Как же здесь красиво! Какой сад! Видишь? Я таких в жизни не видела никогда! Это же гранатовые деревья, вон там черешня, а эти я даже не знаю!..

– Я знаю! – уверенно кивнула ее подруга. – Это инжир! Я его на Черном море ела! Обожаю его! Тут, мне кажется, сливы еще, груши, абрикосы, айва...

– Ого! Как ты разбираешься? Откуда? – поразилась Арина. – Я еще, пожалуй, отличу яблоню от гранатового дерева; и то, если плоды увижу.

– У меня сестра вышла замуж за грузина, помнишь? Пока вся эта заварушка с Осетией не началась, я каждое лето ездила к ней в гости! Сейчас сижу, глаза закрою, как будто там нахожусь... До того похоже! И вкусно кормят, и люди гостеприимные такие, и вино свое вкуснейшее! И уезжать не хочется!

И мне не хочется отсюда уезжать совершенно, подумала Арина, и это меня пугает. Совсем не хочется. Что со мной?

Она вдруг встретила взглядом с Леонидасом, смотревшим на нее со счастливой улыбкой, и, смущенно отведя глаза, поинтересовалась у Машки:

– Как сестра твоя, прижилась?

– Да как сказать!..Трудно было, Ариш. Особенно поначалу. Русской-то девчонке из Питера. По-русски только муж говорил, Вахтанг. Да и то с таким акцентом, что я сама его с трудом понимала. Традиции, язык, семейный уклад, работа по дому, – все другое! Но у них там очень крепкие семейные узы, они друг за друга горой! Не дай бог, кто чужую женщину обидел! Грузин никогда такого не сделает, и не потому, что они все такие исключительно воспитанные, всякие есть! Но и потому, что знает, чем ему это грозит! Что ты! Море крови! Вся семья поднимется! Все родственники, все друзья! Все придут. И каждый спросит, с пристрастием: «кацо, ты зачѐм так нѐхорошо поступил, а?» —

Машка очень похоже изобразила грузинский акцент и сделала характерный крученный жест рукой. Арина так и прыснула со смеху.

– А вообще, – добавила Машка, отпив вина из бокала, – все же просто, Ариш. Моя Светка своего Вахтанга любит до беспамятства. Двое пацанов у них уже, восемь лет и двенадцать. Сандро и Георгий. Такие шепутные! Если любишь – все остальное неважно, мне кажется. Вопрос ведь не в том, где жить, а с кем. Я так считаю!

Она развернулась к подруге и, наклонившись к ней поближе, проговорила вполголоса:

– Возьми хоть нас с Тошкой. Он знал, что я не смогу из Питера уехать, пока мама болела. Не брошу же я ее! У него такая работа была в Москве, карьера! Все оставил, переехал в Питер. Я даже заикаться на эту тему не решалась. Думала, так и будем жить на два города. А он мне, знаешь, что тогда сказал? «Мой дом там, где ты!». И я до сих пор самая счастливая!

– О чем шепчемся, девочки? – поинтересовался Антон. – Что за секреты? Леонидас говорит, что завтра его отец Иоаннис устроит нам экскурсию на виноградник, там же будет и дегустация вин разных лет, что хранятся у них в бочках. Говорит, что нам должно понравиться: у них вина – лучшие на острове! Он мне долго рассказывал про хозяйство. Похоже, что скоро он станет главой семьи, а отец удалится от дел, выйдет на пенсию, так сказать.

Пока Антон говорил, Леонидас кивал и тепло улыбался, как тогда на пароме.

– Спасибо большое, – ответила по-английски Арина, улыбнувшись греку в ответ. – Нам неудобно, что мы поставляем вам столько хлопот!

– «Доставляем»! – подсказал Антон нужный глагол.

– Никаких хлопот, поверьте! Вся моя семья рада вам! – покачал головой молодой мужчина. – Если вы устали и хотите отдохнуть, моя мама покажет вам комнаты.

– А это удобно? – уточнила встревоженно Машка после того, как Антон перевел ей слова грека. – Вот так встать из-за стола и пойти? Никто не обидится, точно?

– Не переживайте! – рассмеялся Леонидас, выслушав Антона. – Вы же гости! Вам все можно! А потом, сегодня семья будет долго сидеть за столом, почти всю ночь; еще ждем родственников из соседних деревень. Захотите снова присоединиться – все будут только рады! В любое время спускайтесь и садитесь за стол!

– Ну что, вы как? – поинтересовалась Арина, глядя на друзей. – Я бы отдохнула, если честно. День был длинным, если не сказать больше.

– Да уж, денек сегодня был еще тот! – согласилась Машка. – Кстати, про Глеба есть новости?

– Катерина прислала очередную смс еще час назад, что «все хорошо, без изменений!», – пожала плечами Арина.

– Тогда пойдемте отдыхать! – подытожил Антон, и они поднялись из-за стола.

Леонидас сказал матери несколько слов по-гречески, и она повела их в дом. Они прошли большую гостиную и поднялись по лестнице на второй этаж на гостевую половину. Первым она показала комнату Антону с Машкой – светлую, просторную, с огромной двуспальной кроватью и панорамными окнами с видом на долину и горы.

Девчонки обнялись.

Машка шепнула ей: «Не кисни! Все будет хорошо!» – и молодая пара отправилась отдыхать.

Затем Мелитина распахнула перед Ариадной деревянную дверь в ее комнату на ближайшие два дня и ласково улыбнулась девушке, сказав по-гречески: «Заходи, доченька, отдыхай! Ты такая красавица, такая добрая у тебя улыбка! Значит, и душа у тебя добрая!».

Арина не поняла ни слова, но это и не требовалось: таким теплом светились глаза женщины. Гречанка ласково и осторожно погладила Арину по голове и оставила ее одну.

Арина огляделась: комната была едва ли не больше той, что досталась ребятам. Девушка подошла к балконной двери, широко ее распахнула и вышла на балкон; солнце уже почти закатилось за гору, только небольшой краешек красного диска виднелся у подножия массивного горного хребта, там, где гору облепили белые домики небольшой деревушки. Внизу шелестел листьями фруктовый сад; виноградники скрыла тень: их контуры едва угадывались вдалеке. Воздух был прозрачен и свеж. Арина вдохнула этот воздух всей грудью и вдруг отчего-то горько разрыдалась.

На соседнем балконе, услышав ее плач, Машка было рванулась к ней, но Антон удержал жену, покачал головой и приложил палец к губам. Молодые супруги ушли с балкона и плотно притворили за собой балконную дверь.

В это время две пары прогуливались по набережной Айос Георгиос, наслаждаясь прогулкой после вкусного ужина в таверне.

Беседа шла на английском языке, чтобы всем было удобно.

– Все, что вы рассказываете, Алекс, – сказала Стефания, держа крепко Смолева под руку, – о традициях острова, просто потрясающе интересно! Как вам удалось узнать так много за такой короткий срок?

– Вы лучше спросите его, дорогая Стефания, почему он скромно умолчал о самой главной островной традиции, связанной у островитян с Портарой – теми самыми воротами храма Аполлона! – весело рассмеялась Тереза. – Правда, любимый?

– Конечно, солнце мое! Я уверен, что он нам сейчас все расскажет! Кстати, мы ведь идем прямо туда, моя дорогая! – нежно ответил Виктор Манн супруге.

В ответ на немой вопрос Смолева он пожал плечами: мол, выкручивайся теперь сам, ничем помочь не могу!

– Вы действительно что-то скрыли от меня, Алекс? – с напускной суровостью произнесла Стефания. – Боюсь, вы сильно рискуете потерять мое доверие!

– Как я мог скрыть что-то от вас, Стефания, мне бы и в голову не пришло! Просто я оставил рассказ о Портаре напоследок! – выкрутился Алекс, незаметно показывая Виктору кулак.

Тот снова пожал плечами: мол, ничего не знаю! Сам завел разговор про традиции, вот и выкручивайся!

– Я вся превратилась в слух! – ответила ему девушка, глядя на него. В ее взгляде едва заметно плескались лукавые смешинки.

– М-м-м... С чего же начать? – произнес раздумчиво Смолев. – Как я уже вам рассказывал сегодня, на острове сохранилось до наших дней множество античных памятников. Один из них – мраморные ворота храма Аполлона, которые датируются 530-м годом до нашей эры, то есть, более двух с половиной тысяч лет назад. Это первое, что видят туристы, которые прибывают на Наксос морем.

– Жаль, что я прилетела самолетом, – кивнула Стефания, – но еще не все потеряно, не так ли?

– Безусловно, мы как раз с вами идем по набережной в сторону островка Палатия; во-он, видите вдалеке островок? С портом его соединяет дамба. А вот тот огромный белый квадрат и есть та самая арка. Его размеры впечатляют даже отсюда, а вблизи – тем более: арка высотой более шести метров, сложена из двадцатитонных блоков. По большому счету, это дверной проем недостроенного храма. Соответственно, можно представить себе размеры самого храма!

– Впечатляющее сооружение! – заметила Тереза. – Смотрите, сколько людей туда идет! Очень красиво и романтично смотрится, особенно на фоне заходящего солнца, не так ли, Алекс?

Да что они надо мной издеваются, что ли? Похоже, да! Виктор едва сдерживается, чтобы не рассмеяться. Отомщу, подумал Смолев. Как я ей расскажу про местный обычай? У меня язык не поворачивается! Я прекрасно знаю, что за этим последует – и что потом делать?

Алекс не был готов к резкому повороту сюжета. Пусть все идет, как идет – торопиться некуда!

– Совершенно верно, это и есть главная достопримечательность острова! – решил он держаться своей версии до конца. – Все туристы хотят хоть раз сфотографироваться на их фоне!

– А почему Аполлона? – поинтересовалась испанка, задумчиво рассматривая многочисленные парочки, что шли, обнявшись, по дамбе в сторону развалин.

– Есть две версии: считается, что древний храм был построен в честь Аполлона, поскольку он ориентирован в сторону острова Делос, где, согласно преданию, и родился златокудрый бог. Правда, есть и вторая гипотеза: некоторые ученые полагают, что храм вполне мог быть построен в честь бога вина Диониса, который почитался как покровитель острова Нак-

сос; острова, где зародилось виноделие! Мне лично больше нравится вторая версия! – подвел черту Алекс.



– Кстати, – сжалился наконец над другом Виктор Манн, – есть еще одна прекрасная легенда: о Дионисе и Ариадне. Сегодня я узнал, что на вилле гостит одна Ариадна, представляете?

– Расскажите, Алекс! – попросила Стефания.

– А как же Портара? – обрадовался Смолев, но виду не подал. – Отложим на другой раз?

– Думаю, что при дневном свете фотографии будут лучше, – нежно улыбнулась ему испанка и добавила, как ни в чем не бывало: – Да и солнце все равно уже почти село!

Виктор и Тереза дружно отвернулись от Смолева, пряча улыбку.

Алекс ничего не заметил. Он подробно изложил содержание древней легенды. Пока он рассказывал, Стефания не сводила с него глаз.

– Обожаю легенды о любви! – произнесла растроганно Тереза, когда рассказ был окончен. – А вы, Стефания?

– И я, – подтвердила девушка, – больше всего на свете! Особенно, если они со счастливым концом! У нас в Испании тоже есть легенды о любви, но они заканчиваются печально. Взять хотя бы знаменитую легенду о влюбленных из Теруэля: юноша и девушка умирают после долгих лет разлуки, совсем как Ромео и Джульетта. Когда бабушка мне рассказывала ее в детстве, – я всегда плакала. Мама, помню, очень сердилась на бабушку.

– Это очень грустно, – сказала Тереза, – не рассказывайте ее, Стефания! По-крайней мере, сегодня! Может быть, завтра, когда солнце будет светить ярче!

– Не буду! – кивнула испанка. – Да и зачем, когда на этом острове столько прекрасных и радостных легенд!

За разговорами они незаметно дошли до виллы и удобно расположились за столиком на нижней террасе.

Артеми принесла им вино, сыр и копченое мясо.

– И потом, мне кажется, – добавила молодая испанка, лукаво улыбаясь, – что Алекс не все нам рассказал! Может быть, я смогу что-то добавить к его рассказу...

В этот момент айфон Смолева спасительно подал мелодичный сигнал: пришло сообщение от инспектора Антонидиса. Алекс прочел сообщение и напрягся.

Манн, не сводивший с него глаз, повернулся к супруге и сказал:

– Дорогая, нам необходимо с Алексом завершить одно дело, мы оставим вас ненадолго, если ты не против?

– Разумеется, я против! – грустно улыбнулась Тереза. – Но когда ты меня слушал?! Ладно, идите уж! Мы со Стефанией поднимемся к нам: пора вызволять няню из плена, надеюсь, близнецы не свели ее с ума. Возвращайтесь скорей!

– Возвращайтесь скорей, Алекс! – эхом повторила несколько растерянная Стефания.

Глядя вслед спешно уходящим мужчинам, она поинтересовалась:

– Как вы думаете, Тереза, они скоро вернутся?

– Ни малейшего понятия, моя дорогая! – с грустной улыбкой покачала головой жена генерала Интерпола. – Последний раз, когда мой муж уходил «ненадолго по делам», я ждала его две недели!

Уже выскочив на улицу Апиранто, Виктор обратился к Алексу:

– Ну, что там?

– Сообщение от Антонидиса. Пишет, что неизвестный пытался проникнуть в палату интенсивной терапии, где лежит Пермяков. Охранники его спугнули, но один из них пострадал, сейчас без сознания. Инспектор едет за нами. А вот и он!

Из-за угла раздался знакомый визг тормозов – и яркий свет фар выхватил из темноты две мужские фигуры, стоявшие на дороге.

– Добрый вечер, старший инспектор! – деловито произнес Виктор Манн, когда машина резко затормозила рядом с ними и распахнула дверцу. – Поздравляю вас! Мы снова в игре!

Часть шестая

Раскаяние – самая бесполезная вещь на свете. Вернуть ничего нельзя. Ничего нельзя исправить.

Э. М. Ремарк, «Триумфальная арка».

Длинные коридоры местного госпиталя встретили детективов гулкой тишиной (мягкий линолеум глушил шаги), ярким холодным светом неоновых ламп, что отражался от салатово-зеленых стен больницы и, падая на лица прибывших, придавал им странный мертвенный оттенок.

Слепит-то как, подумал Смолев. После темноты снаружи – и такой яркий свет!

Он сощурился и даже прикрыл глаза рукой. Манн и вовсе достал темные очки из кармана пиджака, надел и не снимал их до самого выхода из больницы.

Старший инспектор уголовной полиции острова стоически терпел. Он понимал, что его люди оплошали. И как! На посту! Упустили подозреваемого в покушении на убийство! Что ему этот яркий свет, что резал глаза, выжимая слезу? Мелочь! На душе у него снова скребли кошки: после похвалы самого Директора департамента уголовной полиции и повышения в звании – такой прокол!.. Позор какой! стыдно, нет слов, как стыдно! Как могли его сержанты так подвести своего инспектора? А ведь он их инструктировал лично! Какой конфуз – да еще и в присутствии самого главы Национального Бюро Интерпола!

Манн покосился на старшего инспектора, который всю дорогу до больницы в машине вздыхал так, что мог бы разжалобить и камни.

Ишь ты, переживает, подумал генерал. Правильно делает! Балбесы его подчиненные! Впрочем, выводы делать пока рано.

Они молча прошли длинным больничным коридором, поднялись по лестнице на второй этаж, где находились палаты интенсивной терапии. В одной из них и проходил лечение Глеб Пермяков. Шли не разговаривая, каждый был погружен в свои мысли. Но общее напряжение чувствовалось по коротким взглядам, легкой нервозности, что охватила всех троих и тяжелым вздохом старшего инспектора.



На медицинском посту сидела заплаканная дежурная медицинская сестра.

Ты смотри, подумал Смолев, совсем еще девочка! Лет двадцати, наверно – студентка.

На ней не было лица. Впрочем, такими же растерянными и поникшими выглядели и два сержанта местной уголовной полиции, которых оставил нести караульную службу у палаты Пермякова их начальник. У одного из них опухла скула, на подбородке был явно виден крово-

подтек. Он сидел в неудобной позе, неловко скрючившись на стуле, прижимая локоть правой руки к животу.

Это он попал «под раздачу», понял Алекс, окинув пострадавшего внимательным, цепким взглядом.

Второй стоял рядом с напарником, держа в руке пузырек с какой-то жидкостью, в которую обмакивал ватку и прикладывал ее к ране на лице товарища.

– Спирт? – повел носом Виктор Манн.

Говорил он по-гречески, суровым тоном, испепеляя взором незадачливых сержантов поверх очков. Под его взглядом они еще больше пригнулись.

– Не рано ли празднуете?

– Разрешите, господин генерал? – вставил слово Антонидис, пересилив страх и робость.

Все-таки это были его сержанты. С него пусть хоть шкуру сдирают, а подчиненных он обязан допросить сам и лично. В любом случае, это его вина – и его ответственность!

– Я хотел бы провести опрос сам!

– И правильно! Сами их и допросите, – неожиданно одобрил Манн, перейдя на английский, чтобы и Смолев смог поучаствовать в беседе. – Ваши кадры, старший инспектор, вот вы с ними и разбирайтесь. А мы пока походим, посмотрим, побеседуем с медицинским персоналом. Через двадцать минут подведем общие итоги. Договорись? Ну и отлично!

– Пойдем, Саша! – перешел он на русский, обращаясь к Смолеву. – Давай так: я с девочкой пошепчусь, о чем она грустит, узнаю. А ты пройдишь, посмотри по сторонам. Важно понять, откуда этот незванный гость тут взялся. В машине Антонидис божился, если помнишь, что дверь в больницу была закрыта. Вопрос: как он сюда проник, что оказался прямо в коридоре у входа в нужную ему палату? Добро?

– Добро, – ответил Алекс. – Разошлись!

Через двадцать минут картина происшествия была в общем и целом ясна.

Накануне уборщица, отмывая места общего пользования, что находились напротив блока интенсивной терапии, привычно не пожалела хлорки.

Нестерпимый запах, щекочущий ноздри и выворачивающий нутро, заставил одного из сержантов распахнуть настежь окно в туалете, чтобы хоть как-то проветрить помещение. Фрамугу подперли каким-то чурбаком, явно принесенным с улицы.

Когда Алекс осматривал подоконник, он обнаружил на нем следы песка, словно кто-то ступал по нему в кроссовках с рифленой подошвой, куда так любит набиваться песок и разного рода грязь.

Выглянув наружу, он увидел в полутора метрах от окна водосточную трубу. Примерился, попытался дотянуться, покачал головой и вернулся в коридор. Пристально глядя себе под ноги, дважды прогулялся по коридору от туалета до ординаторской, куда вошел и внимательно огляделся. Затем Алекс вернулся к палате и присоединился к коллегам.

К его возвращению старший инспектор уже закончил опрос своих подчиненных.

Сержанты признались, что, несмотря на открытое окно, – дышать было практически невозможно. Хоть самым перемывай весь туалет от хлорки! Поэтому они по очереди выходили вниз на крыльцо отдышаться, выкурить сигарету и размять затекшие от долгого и неподвижного сидения мышцы. Минут на десять-пятнадцать, не больше!

Молоденькой медсестричке Василике, что несла вахту ночного дежурства в первую смену, с нуля часов до четырех утра, также строго-настрого было запрещено покидать пост, находившийся в двадцати шагах дальше по коридору.

Но молодость брала свое, а тут еще такой симпатичный и вежливый сержант Димос предложил ей выйти подышать свежим воздухом на крыльцо. Ну, если они там и задержались немного, на свежем воздухе, то никак не больше, чем на двадцать минут!..

Небо в этот час было такое звездное, и сержант рассказывал ей такие интересные истории про созвездия, что она и не заметила, как время пролетело!

Сколько раз они выходили на улицу? Ну, два раза, может три, она не помнит. Больше от девушки ничего было не добиться. Она рыдала и никак не могла успокоиться.

Второй сержант, постарше, рассказал, что сидел задумавшись, когда вдруг перед ним бесшумно возникла фигура вся в черном; он вскочил, собираясь закричать, и только потянул с пояса резиновую дубинку, как немедленно получил резкий удар кулаком под ребра справа. Словно весь воздух из него выпустили: согнувшись от боли, он не мог уже кричать, а только шипел; и тут же прилетел второй удар – прямо в челюсть! Свет померк у него в глазах, дальше он ничего не помнит: ни что делал нападавший, ни куда он делся, ни как он выглядел.

Любвеобильный сержант Димос, потев и пряча глаза, признался, что после очередного выхода на свежий воздух, когда они с Василикой несколько задержались, возвращаясь, он вдруг увидел, что некто, одетый в черное, бьет его товарища.

Двигался незнакомец так быстро и ловко, что даже успел подхватить падавшее обмякшее тело и прислонить его к стене. Здесь Димос пришел в себя от неожиданности и окликнул нападавшего, выхватив дубинку. Шедшая за ним Василика громко закричала от страха.

Они вспугнули злоумышленника. Тот, резко обернувшись, что-то прошипел в их сторону и метнулся в туалет. Когда они вдвоем с дежурной медсестрой вошли в туалет – окно было распахнуто, в помещении никого не было. Старший из сержантов был еще без сознания, когда Димос, окончательно придя в себя, позвонил старшему инспектору и доложил ему о случившемся.

Нападавшего он разглядел плохо: уж больно быстро тот двигался. Молодой, худой, рост сложно было издали определить на глаз: преступник стоял, словно сторбившись. Может – метр семьдесят пять, а может – и все метр восемьдесят. Одет в черную водолазку, маску с прорезями и перчатки. Кажется, в кроссовках. Точно – в кроссовках! Да, когда Димос подбегал, он еще подумал, странно, кроссовки темные, а шнурки в них разного цвета: черный и белый.

– Тэ-эк, – крикнул в чувствах Виктор Манн, подводя итог. – Ясно! Эх, молодость, молодость! У вас еще что-нибудь, инспектор? Чем еще подчиненные порадовали? Ничем? Скромняги! Говори, Алекс!

– Следы ведут из туалета в коридор, – кивнул Смолев. – Нападавший был в кроссовках с рифленой подошвой, куда набился песок с пляжа или с дорожки вокруг госпиталя. Заметив открытое окно, забрался по водосточной трубе. От трубы до подоконника – метра полтора. Видимо, очень хорошо подготовлен физически. Когда вышел в коридор – судя по следам – постоял возле стула с охранником. Почему? Потому, что следы песка видны не только с той стороны, где произошла схватка, но и с противоположной, у входа в палату. Видимо, заглянул в палату, убедился, что попал куда нужно. В палате горит ночник – дежурное освещение. Потом – опять же, судя по следам – спокойно прошел в процедурный кабинет, что рядом с медицинским постом, где находился какое-то время у шкафа с медикаментами. Не опасался, что его застанет медперсонал, орудовал ничего не боясь. Похоже, знал, что Василика в этот момент сильно увлечена своим кавалером. Думаю, старший инспектор, что необходимо провести ревизию: что-то могло пропасть. Да и пальчики бы там поискать, хоть я и сомневаюсь, раз он был в перчатках. Чем он там занимался и сколько пробыл – сказать сложно, но натоптано там сильно. Потом вышел из процедурного и пошел в сторону палаты. Вот тут уже и произошло то, что произошло.

– Вы хотите сказать, – почернел лицом старший инспектор. На него было больно смотреть. – Вы хотите сказать...

– Увы, друг мой! – кивнул Смолев. – Ваш сержант попросту крепко спал и ничего не слышал. Проснулся он лишь тогда, когда злоумышленник снова подошел к нему вплотную. Поэтому он и не смог защититься. Ему еще сильно повезло! Мог бы и жизни лишиться.

Нарвался он на профессионала. Кстати, хорошо подготовленного бойца. Поэтому Димосу и показалось издали, что тот «горбился» – нападавший стоял в боксерской стойке, прижав подбородок к левому плечу. Классическая «двоячка» по корпусу и в голову – визитная карточка профессионального боксера. Попал левой, судя по всему, точно в печень – под ребро, чтобы тот замолчал, а потом уже вырубил ударом в челюсть, нанеся точный правый свинг, как говорят боксеры, «по выключателю». Отменная реакция: после удара успел еще подскочить и подхватить тело, чтобы, падая, оно не наделало шума, который мог заставить любопытных выглянуть в коридор. Думаю, что все было именно так. Ваши люди отделались легким испугом, старший инспектор! А все могло быть гораздо хуже!

Инспектор потерянно молчал, утирая обильный пот белоснежным платком.

Смолеву стало его жаль. Он хотел добавить что-то еще про дисциплину и ответственность, про то, что лишь чудом все остались живы, включая Пермякова, но сдержался и передумал. Антонидис и сам все понимает, а добивать лежачего – было не в привычках Смолева. Да и, в конце-концов, он всего лишь консультант!

Но генерал Интерпола был не столь мягкосердечен в делах службы, когда речь шла о халатности, за которую часто приходилось платить человеческой жизнью.

– Ваши сержанты, старший инспектор, – не церемонясь, сказал Виктор Манн, нацелившись черными стеклами очков прямо в лицо бедолаги инспектора, – проявили полную некомпетентность и безответственность. Они поставили под угрозу жизнь человека, которого должны были охранять! Я им не доверяю! У вас есть еще сотрудники, которых мы могли бы привлечь на усиление охраны?

– Я... Я сам... – сглотнув комок, произнес инспектор, вытянувшись в струнку, – сам буду нести службу. Лично! Других сотрудников в отделе нет. Не сомневайтесь, я вооружен! Я хорошо стреляю, меня учили! – он распахнул пиджак, продемонстрировав устрашающих размеров револьвер в плечевой кобуре.

– Вот только «грязного Гарри» нам не хватало для полного счастья!.. – пробурчал Манн, смягчившись. – Вы еще стрельбу тут устройте! Тоже мне, Джон Уэйн! Хотя, я думаю, сегодня никто уже не сунется! Им понятно, что мы усилим охрану. Они тоже не идиоты, придумают что-то еще. Ладно, старший инспектор. Будем считать, что нам всем крупно повезло. Воспитывайте тут ваших подчиненных, расслабились они у вас! Уверен, что вы быстро приведете их в чувство. К утру здесь уже будут оперативники Интерпола. В восемь утра они вас сменят. А вы вызовите на утро своих экспертов и все как следует проверьте. Выясните, какие медикаменты могли пропасть из ординаторской. Будем понимать хоть, что он собирался сделать. Договорились?

– Так точно, господин генерал! – ответил твердо старший инспектор. – По итогам экспертизы немедленно доложу вам результаты!

– Добро! – бросил Манн, и повернувшись к Смолеву, добавил: – пойдем отдыхать, Саша! Тут нам больше делать нечего. С пострадавшим сейчас говорить не будем. Главврач мне и так голову откусит, а если я еще по ночам буду его пациентов допрашивать – я не жилец! Он мужик суровый, но очень правильный. Вот что, мы с тобой с утра разделимся, я в местный отдел пойду, посмотрю, что из Петербурга нам прислали на парнишку. А ты в больницу – поговори с ним!

Уже дойдя до конца коридора, Манн, шедший впереди Смолева, вдруг остановился, словно внезапная мысль пришла ему в голову. Он бросил своему другу: «Погоди-ка минутку!» и поманил рукой, подзывая младшего из сержантов. Когда тот подбежал, Виктор Манн вдруг что-то смачно сказал ему на ухо и вопросительно посмотрел на полицейского. Тот изумленно закивал и расплылся в улыбке.

– Пошли, все ясно! Я так и думал! – сказал Виктор Алексу, и они вышли на лестницу.

В палате было тихо. Из-за плотно закрытых двойных дверей входного тамбура еще какое-то время доносился звук голосов, что-то негромко обсуждавших на английском; но вскоре и они смолкли, и наступила давящая тишина. Глеб невидящим взглядом смотрел в потолок. Так он лежал уже несколько часов, опустошенный и раздавленный. Шевелиться ему не хотелось. Не хотелось ничего, даже жить. Сообщение от матери, которое он перечел несколько раз, не веря собственным глазам, поставило жирную точку в его отношениях с отцом.

Глеб ожидал чего угодно, но только не этого! Он потянулся снова к телефону и нажал кнопку. Сообщение вновь появилось перед глазами. «Сынок, здравствуй! Прости, что я с плохими вестями. Я не знала сама, от меня скрывали. Твой папа умер три дня назад от инсульта. Похороны уже прошли, меня на них не пригласили. Я узнала обо всем от его поверенного, – он вышел на меня, чтобы узнать, где ты. Сынок, надо возвращаться. Люблю тебя. Мама.»

Он, не глядя, вернул телефон на тумбочку у кровати и промахнулся. Телефон упал, глухо ударившись об пол.

Вот и все, подумал Глеб. Вот все и кончилось! И ничего уже не вернуть и не поправить.

Отец умер в тот же день, когда они разговаривали последний раз. Если бы он только знал!.. Все стало вдруг таким мелким и неважным. Все обиды на отца показались такой чепухой, что Глеб застонал, закрыв глаза, как раненый зверь, не в силах терпеть боль, что разрывала его изнутри. Спать он не мог. Лежал и смотрел в потолок, пока не наступило утро и медсестра новой смены не заглянула к нему в палату. Тогда он сел на кровати и хриплым голосом произнес по-английски несколько слов, с трудом составляя их в предложения:

– Позовите доктора! Мне срочно надо идти. Очень срочно!

Часть седьмая

*Если наступить кошке на хвост —
она мяукает с другой стороны!*
Эндрю Т. Стилл, основоположник остеопатии.

Алекс Смолев шел привычной дорогой от центрального госпиталя Хоры Наксоса к улочке Апиранто, где находилась вилла «Афродита».

Мимо старой церкви с белеными стенами и покосившейся невысокой колоколенкой, через зеленый парк с его столетними платанами, цветочными клумбами и удобными деревянными скамейками, на которых так приятно посидеть в жаркий полдень и поразмышлять.

Как всегда, в это время парк был полон: мамочки выгуливали малышей, молодые парочки заняли места в самых тенистых уголках парковых аллей, а пожилые пары привычно совершали променады, поддерживая друг друга с нежностью и пониманием, которые приходят лишь после совместно прожитых долгих лет.

Смолев проводил взглядом пару стариков, что попала ему навстречу. Они светло улыбались друг другу – слова им уже были не нужны: их диалог был понятен им и без слов. Бури чувств давно улеглись, житейские вихри пронесли мимо, дети выросли и давно живут своей жизнью. Остались взаимная нежность, забота и тепло, окрашенные в тона философского ожидания неизбежной потери. Они знают и ждут, страшась этого дня, понимая цену каждому часу, проведенному вместе. Пока еще вместе...

Счастлив тот, подумал Алекс, кто дожил со своим близким до понимания того простого факта, что жизнь – это любовь, которую ты отдаешь. Лишь тогда она имеет смысл. Вот и все! Так просто – и не надо искать сложных решений. Один простой ответ на вечный вопрос всех философских поисков во все века. Старайся отдавать больше, чем берешь – и счастье переполнит тебя! Жаль, что мы понимаем это так поздно. А иногда, даже поняв, уже ничего не успеваем сделать.

Глеб Пермяков, с которым он успел переговорить по просьбе Манна, был слишком потрясен неожиданной смертью отца, чтобы внятно отвечать на вопросы. И все же кое-что выяснить удалось. Врагов, по словам молодого человека, у него не было. Впрочем, большого количества друзей тоже. У замкнутого, погруженного в себя юноши, почти все время отдающего своей научной работе и учебе, на дружбу времени не оставалось. С Ариной он познакомился случайно, знакомы недолго, друзей ее почти не знает.

По поводу акваланга сказал, что арендой снаряжения занимался Антон через своих знакомых. Когда они пришли в дайвинг-клуб, все было уже готово: костюмы и акваланги их ждали, на каждом комплекте была фамилия на карточке. Оставалось только предъявить документы, облачиться, проверить снаряжение и отправиться в море.

Он тогда понюхал воздух из баллона, как учили; ему еще показалось, что, вроде, он пахнет как-то не так. Но списал все на похмелье, постеснялся, махнул рукой и пошел в воду. Плохо соображал! На глубину почему полез, пока друзья сидели на мелководье? Думал, там прохладнее, головная боль отпустит.

Что слышал вчера? Была какая-то возня за дверью, потом разговоры. Да, до этого, кажется, кто-то заглядывал в палату. Кто – не обратил внимания.

Вот и все, не густо. Терзать парня не хотелось – после той новости, что он получил, он был совершенно подавлен. Просил отпустить его из больницы, мол, ему надо на самолет и в Питер.

Никаких серьезных конфликтов ни с кем у него не было. Инцидент на кафедре и загул в Пирее Смолев в расчет не брал: это все чепуха, тут есть мотив поважнее. Надо думать! Парню про покушение он ничего не сказал – тот и так перенервничал.

Насчет самолета в Питер – покачал головой: только по решению лечащего врача. Отпустит – тогда другой вопрос.

Когда Алекс уходил, Глеб лежал в кровати ничком, отвернувшись лицом к стене.

Вот и получается, что не густо, подумал Смолев, вновь и вновь прокручивая в голове их разговор.

Теперь он шел по лабиринту узеньких улочек, уставленных цветочными горшками. Домики лепились друг к другу тесно и беспорядочно. Дороги были вымощены камнем в незапамятные времена: с тех пор он стерся, отполированный ногами тысяч людей и ярко сверкал на солнце, когда тому удавалось сюда дотянуться. То и дело на пути попадались кошки, блаженно растянувшиеся в сладкой дремоте в тени закоулков. Еще два поворота, небольшая лестница вниз – и он на улице Апиранто.

Из дверей гостиницы вышла веселая компания молодых людей: двое юношей и две девушки. Смеясь, они переговаривались, явно собираясь отправиться к морю. Смолев узнал двух французских студенток: он видел их накануне за завтраком. А вот молодые люди были явно русскими.

Он поздоровался, они ответили, улыбаясь. Девушки весело помахали руками. Компания стояла у машины, которую подогнали заранее. Это те, что ездят «за ветром», как выразилась тогда Катерина, серфингисты, понял Смолев и порадовался за них: счастливые люди!

Он стал подниматься по лестнице. Навстречу ему торопливо спускался третий молодой человек, видимо, задержавшийся на завтраке. На приветствие Смолева он что-то неразборчиво буркнул, явно спеша к ожидавшим его друзьям и быстро перебирая по ступенькам ногами, обутыми в кроссовки.

Смолев неожиданно напрягся.

Вскоре мотор взревел, и под веселую музыку, рвущуюся из динамиков, машина быстро умчала компанию в сторону моря.

Алекс задумчиво подошел к стойке администратора, где несла службу Катерина.

– Катя, будь добра, загляни в регистрационную книгу! – попросил он, облокотившись на стойку. – Меня интересуют трое русских парней, которые только что отсюда вышли. Посмотри, что у нас есть на них, кто такие и откуда? Ты копии паспортов сняла?

– Легко, босс! – ответила с готовностью дежурная. – А как же, босс! Теперь мы у всех снимаем копии, как вы и сказали. Так, ага... Вот они! Трое русских из Москвы. Пожалуйста!

– Спасибо, Катюш, я их возьму ненадолго, – поблагодарил Смолев и поднялся от ресепшн к большой террасе, где завтрак для гостей уже подходил к концу.

Семейство Маннов в полном составе с аппетитом завтракало, расположившись за угловым столиком с видом на бухту Хоры. Стефания Моро допивала кофе. Крошки на тарелке, что стояла перед ней, сказали Алексу, что, как и он сам, испанка с французскими корнями предпочитает по утрам к кофе свежие круассаны.

– Алекс! Наконец-то! – первой заметила Смолева Тереза Манн. – Где же вы были все утро? Мы вас потеряли!

– Алекс, доброе утро! – обрадовалась Стефания, подарив Смолеву нежную улыбку. – Мы уж боялись, вы не появитесь на завтраке!

– Доброе утро! – поздоровался Алекс, опускаясь на стул рядом со Стефанией. Он тепло улыбнулся девушке в ответ и налил себе кофе. – Пришлось выйти в город по делам.

– Ох, уж эти ваши бесконечные «дела», – укоризненно покачала головой Тереза, обращаясь к мужу. – Знаю я их! Хоть на острове можно от них отдохнуть?

– Само собой! – бодро ответил Виктор, подмигивая другу. – Вот позавтракаем и начнем отдыхать! Кто хочет на море? Купаться? – весело обратился он к близнецам.

– Я! Я! – наперебой закричали дети, вскочив со стульев и прыгая от радости.

– Отлично! Тогда бегите в номер и собирайтесь! И не забудьте маски и трубки! Через пятнадцать минут выходим на пляж! – скомандовал отец, вручая им ключ.

Дети с веселыми криками наперегонки умчались в сторону номера. Тереза тоже быстро поднялась вслед за ними, опасаясь, что они в очередной раз перевернут весь номер вверх дном.

– Пойдемте, Стефания, – пригласила она испанку. – У меня с собой несколько кремов от загара, давайте вместе выберем самый подходящий!

Стефания с пониманием улыбнулась и присоединилась к Терезе.

– Какие они, все-таки, умницы! – с чувством произнес Манн, провожая молодых женщин взглядом. – Ну давай, рассказывай! И что это за бумажки?

– Обо всем по порядку, – и Алекс изложил другу все, что узнал сегодня утром.

– Мда-а, – протянул генерал Интерпола, повторяя оценку самого Алекса, – не густо!

– А когда было иначе? – усмехнулся Смолев. – Вот что, надо выяснить у Антона, кто помогал ему с арендой снаряжения. Хотя, я, кажется, уже догадываюсь... Но уточнить стоит!

Смолев набрал номер и кратко переговорил с Цветковым. Чем дольше они говорили, тем жестче становилось выражение его лица.

– В общем, так, товарищ генерал, – закончив телефонный разговор, повернулся к собеседнику Алекс. – Это копии паспортов жильцов из седьмого номера. Константин Трофимов, Марк Васильченко и Максим Хасаншин. Вот насчет последнего я и хотел тебе сказать. Именно он подошел познакомиться на завтраке к Цветковым накануне происшествия – ну как же! соотечественники! – и предложил свою помощь в организации аренды снаряжения для дайвинга. Обещал по своим связям скидку в тридцать процентов. И еще, все трое – спортсмены, в хорошей физической форме. Дайверы, виндсерферы, кайтеры и прочее. И последнее: одного из них я сегодня видел на лестнице в черных кроссовках. Шнурки – темно-синий и белый. Помнится, Димос говорил про черный и белый, но при том освещении, да издали он мог точно не рассмотреть. Судя по фото в паспорте, парень, что столкнулся со мной на лестнице – это и был Хасаншин.

– Ясно, – кивнул Манн. – Убедительно. Что ты предлагаешь?

– Навести по нему подробные справки. Ты же помнишь, судя по нападению на сержанта – там сработал боксер. Если Хасаншин занимался боксом – это подтвердит нашу версию. Следующее: он исполнитель, кто тогда заказчик? Надо шерстить его связи.

– Попрошу коллег, – согласился Виктор. – К вечеру, надеюсь, получим по нему справку. По Пермякову, правда, пока ничего конкретного. Характеризуется положительно: не был, не состоял, не привлекался... Связей в криминальных кругах не имеет, в контактах с ОПГ Петербурга не замечен. Студент-отличник, теперь – аспирант в Техноложке. Живет тихо, с матерью. Она работает учительницей в средней школе, разведена. Отец Пермякова – крупный бизнесмен, с первой семьей контактов не поддерживал. Женат, от второго брака сын двадцати лет. Сам Пермяков-старший умер от инсульта три дня назад. Похороны уже прошли. По госпиталю Антонидис доложил, что экспертиза ничего не обнаружила: ни пальчиков, ни пропавших медикаментов. Пропал только один шприц. Кроме шнурков на кроссовках и песка на полу у нас ничего нет. Да и это – не доказательство. Песка на острове – тонны, а носить разные шнурки на кроссовках никто не запрещал. А то, что матом кроет по-русски от души – это, конечно, ниточка... К каждому третьему туристу на острове! Вот так! Идеи есть?

– Идея одна: Quid prodest! – Ищи, кому выгодно! – пожал плечами Смолев. – Сдается мне, что ответы на все вопросы там – в Санкт-Петербурге. События все там, здесь – просто эхо. А что с завещанием, ты не интересовался?

– Интересовался, разумеется, – кивнул Манн. – Его еще не оглашали. Знаю, что поверенные Пермякова-старшего уже выходили на его первую супругу в поисках Глеба. Если они его ищут, значит он в завещании есть! И, возможно, это кому-то – как нож острый! Будем прове-

рять. Пока поручу своим агентам наблюдение за Хасаншиным. Пусть по острову его поищут и проследят: может, кто с ним на контакт выйдет. Все, на пляж!

Остров хоть и небольшой, но так они его искать полдня будут, подумал Алекс. На Наксосе около двадцати пляжей разных форм и размеров; каждый из уголков побережья живописен по-своему. Но я выделил бы четыре основных, соображал он, пока они ждали Терезу и Стефанию с детьми.

Во-первых, ближайший к вилле – куда они и собираются – это Айос Георгиос, городской пляж Хоры. Три минуты идти пешком. Песчаный, пологое дно, водичка прозрачная, быстро прогревается. Для семей с детьми – просто рай. Близнецы Маннов плещутся, как дельфины, по часу, не загонишь на берег. Пляж людный. Это не то.

Во-вторых, Айос Прокопиос. Этот чуть дальше, километрах в пяти от Хоры. Считается одним из лучших в Европе, чуть ли не в десятку входит. Два километра в длину, мельчайший белый песок, морская вода всех оттенков: от прозрачного до темно-бирюзового; хорошо защищен от ветра. Это уже ближе к тому, что ему нужно, но ради него машину брать – смысла нет. Автобус ходит регулярно и идет пять минут. Да и народа там хватает, пусть не так много, как на первом. Тоже не то, подумал Алекс.

В-третьих, пляж Плака – не менее живописный и протяженный, но гораздо более уединенный из всех перечисленных. Прекрасное место для романтических свиданий. Был бы я молодой, да с девушкой, да на машине – поехал бы туда, однозначно!

И, в-четвертых, побережье Микри Вигла. Его делит пополам скалистый выступ на два пляжа: Партенос и Сахару. Ветер здесь создает идеальные условия для виндсерфинга. Рай для спортсменов.

– Скажи, чтобы начали с Партеноса и Сахары, – посоветовал он Манну. – Думаю, что спортсмены поехали туда «за ветром». Скорее всего, с утра они будут там, днем зависнут в таверне на побережье. А вечером – уйдут на Плаку. Обычно возвращаются уже затемно. А сейчас к ним еще две девушки присоединились, торопиться им некуда.

– Ты так считаешь? Хорошо, сэкономим время агентам! – кивнул глава Национального Бюро, набрал телефонный номер и отдал все необходимые распоряжения по-гречески.

Через пару минут из номера вышли женщины с детьми, и вся компания отправилась на пляж. После первого купания, удобно разместившись на лежаках под зонтами от палящего солнца, Стефания поинтересовалась:

– И все-таки, скажите, Алекс, почему вы выбрали Киклады? И именно Наксос?

Алекс задумался, прежде чем ответить на такой, казалось бы, простой вопрос. И в самом деле, почему? Он приподнялся на локте, глядя в сторону Пароса, что виднелся на горизонте, в двадцати километрах от них. Климат? В Греции для жителя Петербурга жарковато. На Наксосе, где дует северный ветер «мельтеми» с июля по октябрь, принося на остров прохладу с раннего утра и стихая только под вечер, летний зной переносить гораздо легче, даже ему – северянину. Но он и понятия об этом не имел, когда ехал сюда в расстроенных чувствах после общения с доктором, который посоветовал ему талассотерапию для поправки здоровья.

Греческого языка, в отличие от многих европейских, он не знал. Свободно владея испанским, итальянским, французским и немецким, гораздо логичнее было бы выбрать себе место для жительства где-нибудь в Валенсии или Андалусии, Тоскане или Пьемонте, на Лазурном берегу Франции или на берегу чудесного озера Невшаталь в Швейцарии. И дело даже не деньгах, купил бы домик поскромнее – ему бы хватило!

Кулинарные традиции? Прованс, например, как минимум не уступит Греции в этом вопросе; он жил там, прекрасно помнит тамошние деликатесы: домашние паштеты – ароматные террины – из телятины, печени утки или гуся; буайбес с сыром грювьер, хрустящими гренками обжаренного в оливковом масле багета с соусом из чеснока, шафрана, красного перца и мидий; салат «Нисуаз» из свежих овощей с анчоусами и оливковым маслом... А Италия?

Карпаччо из говядины в оливковом масле и лимонном соке с сыром пармезан? А оссобуко из телятины на косточке, запеченное в томатном соусе с овощами, что подается с полентой? А ризотто с трюфелями? А тысячи видов пасты и соусов? Перечислять кулинарные шедевры средиземноморских стран можно бесконечно!

Тогда, возможно, религия? Он православный христианин, и в этом смысле Греция, условно, ему ближе всего. Но много лет назад Алекс понял для себя простую, и в то же время – такую сложную для многих вещь: твой диалог с Творцом – вещь крайне интимная. Этот диалог ведется в твоей душе. И для него совершенно не нужны посредники в рясах и клобуках. Говорить с Богом – если ты чувствуешь в себе такую потребность – ты можешь где угодно. Он тебя услышит!

И к тому же Смолев сомневался, что Единый Творец делает различия между католиками и протестантами, православными и лютеранами, буддистами, иудеями и мусульманами. Иначе это не Творец, а мелочная лавка! Все они Его чада! Все, кто верит искренне, получают свою толику божественной любви. Поэтому Алекс вполне прижился бы в стране, где подавляющее большинство населения состоит в иной религиозной конфессии.

Что же тогда? Возможность заняться самостоятельно виноделием? Это, конечно, причина, но почему, например, тогда не на материке? Вина того же Пелопонесса задают тон всей винной отрасли Греции. Там лучшие земли и самые знаменитые хозяйства! Не говоря уже об Испании, Италии и, само собой разумеется, Франции!

Все эти мысли промелькнули в его голове мгновенно. Стефания, удивленная паузой, смотрела на него с вопросительной улыбкой. Манн, прищурившись, тоже взглянул на несколько растерянное лицо товарища и решил его поддержать.

– Думаю, это был как раз тот самый «счастливый случай!», дорогая Стефания, – шутливо произнес Виктор, подмигивая Алексу, – который отличается от «несчастливого» тем, что все крайне удачно складывается само собой! Приехал, увидел, остался! Я прав, Саша?

– Э... Да, видимо так. Скорее всего! – несколько сбивчиво произнес Смолев. – Мне действительно очень повезло. Все сложилось вместе, в одно время и именно на этом чудесном острове. Наверно, это и будет правильным ответом! И климат, и кухня, и возможность заниматься виноделием, и греки с их традициями, щедрой душой и гостеприимством. Виктор прав: счастливый случай!

– Я всегда говорил, что он – «везунчик»! – пробурчал с легкой завистью Манн, укладываясь поудобнее на спину. Лежак под его мощным мускулистым телом трещал и прогибался. – Вот только в любви пока не везет!

Тереза предупреждающе кашлянула, укоризненно взглянув на мужа поверх темных очков, но было поздно: слово не воробей!

Неугомонная Стефания заинтересованно востроила уши и только собралась задать Алексу очередной вопрос, от которого он бы снова неловко «завис», как Тереза опередила ее, сменив тему.

– Алекс, скажите: правда, что эта территория была когда-то под протекторатом Российской Империи? Я читала, что на одном из островов даже была ставка графа Алексея Орлова-Чесменского, это так?

– Да, да! – обрадовался Алекс новой теме. – Все так и есть! Практически все острова Киклад с тысяча семьсот семидесятого года почти пять лет входили в состав Российской Империи. Это произошло во время войны России с Турцией во времена правления Екатерины Великой. Российским флотом командовал родной брат фаворита царицы – генерал-аншеф граф Алексей Григорьевич Орлов.

– А почему он Чесмен... Чесменский? – с трудом выговорила незнакомое слово молодая испанка.

– А приставку «Чесменский» к своей фамилии он получил после блестящей победы над турками в Чесменской бухте в июле того же года, – кивнул Алекс. – Я вам расскажу. Российская эскадра смогла запереть в бухте почти вдвое превосходившие ее силы турок и за два дня уничтожить весь вражеский флот. Затем восемнадцать островов в Эгейском море были постепенно освобождены от турок и стали российской территорией. Надо сказать, что в большинстве вылазок и сухопутных экспедиций вместе с русскими солдатами тысячами дрались и греки. Это было настоящее боевое братство! Орлова они просто боготворили. Герой-освободитель! Высокий, физической силы неимоверной, настоящий русский богатырь!

– Наксос тоже был освобожден? – спросила Стефания.

– Именно Наксос одним из первых островов стал частью Российской империи: здесь была ставка главнокомандующего, над которой развевался Андреевский флаг. Кстати, за пять лет граф Орлов много сделал и для местного населения: даже открыл школы для греческих детей, которым потом дали возможность получить образование в Санкт-Петербурге. На островах до сих пор живут греческие династии с фамилией Орлов – в знак уважения к русскому генералу. Так что, в каком-то смысле, здесь русская земля!

– Надо же, – покрутил головой и усмехнулся Виктор Манн, – не знал! Про династии греков с громкой русской фамилией, я имею в виду. Про умницу и великого стратега графа Алексея Григорьевича-то я, конечно, в курсе. И не только про его победы на поле брани, что нашим милым дамам не столь интересно, а вот про его дела амурные наслышан!

– Расскажите, расскажите, Виктор! – с готовностью откликнулась Стефания, кося лукавым взглядом в сторону Смолева. – Похоже, что Алекс снова поскромничал и утаил от нас самое интересное!

– Ладно, рассказывай уж! Заинтриговал! – кивнула головой и Тереза, приглядывая за детьми, что весело резвились в прибрежной полосе, на мелководье под присмотром молодой няни-гречанки. – Чем там твой граф так знаменит по женской части?

– Граф Алексей Григорьевич был высок, статен, красив, кудряв, – словом, весь в меня! – ухмыльнулся Виктор Манн и довольно погладил свою совершенно гладкую лысину. – И нечего хихикать, Стефания, я все вижу! Вернее, слышу! Внешность, по Боэцию, – «мимолетное всего!». Были кудри – и не стало! Ну так вот: красив был, обаятелен, с дамами галантен и нежен. Дамы таяли, как воск. Ну, еще и богат, знатен, знаменит, – все качества, что привлекали женщин в том далеком восемнадцатом веке!

– Можно подумать, сейчас что-то изменилось, – иронично заметила Тереза. – Но ты продолжай, милый, продолжай, мне уже интересно! Про тебя – высокого и кудрявого красавца – особенно!

– Отставить иронию! – шутливо скомандовал генерал Интерпола. – Так вот, именно его внешность и сыграла роковую роль в одной очень известной любовной истории. Даже, я бы сказал, спецоперации, которую он провел по приказу матушки-императрицы в Италии. Все человек поставил на службу Родине – даже свою внешность!

– Пойдите, Виктор! – вдруг встрепенулась Стефания. – Кажется я знаю, о чем речь! Я читала об этой истории: так это тот самый Алексей Орлов, который сперва признался в любви и соблазнил, а потом обманом завлек к себе на корабль и отвез в Петербург бедную Элизабет де Волдомир?

– Вот она, женская логика! Нет, брат, ты только послушай, а? – повернувшись к Смолеву, посетовал Манн. Лежак под ним опасно затрещал. – Сразу «соблазнил, завлек, обманул!» А то, что эту «бедную» девушку звали в разные периоды ее жизни по-разному: то девица Фрэнк, то Шейль, то Тремуиль, то Али-Эмете, принцесса Волдомирская с Кавказа, то Азовская принцесса, она же – графиня Пиннеберг и, наконец, – российская царица Елизавета вторая, – ни больше, ни меньше! Это как? Кстати, у нас она больше известна под именем княжна Тараканова. Что странно, поскольку сама себя она так никогда не называла.

– Да, Стефания, увы! – поддержал друга Смолев. – Эта Элизабет действительно была прожженной авантюристкой. Путешествовала по европейским столицам с огромной свитой – до ста человек, везде представляясь как-то иначе и рассказывая истории о своем благородном происхождении.

– Но зачем? – удивилась Стефания. – С какой целью?

– Цель была банальна: выжать как можно больше денег из своих кредиторов, – пожал плечами Алекс.

– Да, «принцесса» очень любила роскошь! Наделала много долгов. Она быстро поняла, что «девице Фрэнк» не ссудят столько, сколько может получить «принцесса Волдомирская». Опять же блеск «большого света»! Театры, балы, развлечения, поклонники в огромном количестве! – продолжал свой рассказ Виктор Манн. – Она заводила любовные связи исключительно по расчету: у ее избранников должен быть капитал, которым она могла воспользоваться. Разорила поклонников без числа! По ее турне можно изучать географию Европы восемнадцатого века: Польша, Франция, Австрия, Италия! Девушка была одаренной, ничего не скажешь, говорила свободно на десятке языков, хорошо образованная, писала стихи, играла на арфе! Куртизанка высшей пробы.

– Чем же она не угодила Екатерине Великой? – спросила Тереза.

– Дело в том, счастье мое, – ответил ей муж, – что Екатерина Вторая, наша с тобой в некотором смысле соотечественница – принцесса немецких кровей – взошла на трон в результате кровавого переворота, практически узурпировав власть. И этим пользовались разного рода проходимцы, выдававшие себя за пропавших и вновь найденных членов царской семьи. Впрочем, на Руси это было во все времена! – махнул рукой Виктор. – От Гришки Отрепьева до Пугачева, который тоже называл себя «добрым царем Петром Федоровичем». Самозванцев хватало всегда!

– И кем же себя объявила наша девушка?

– Она решила вдруг, что она дочь царицы Елизаветы Петровны и ее фаворита Алексея Разумовского. Вот так. И имеет право на российский трон.

– Не думаю, что она сама решила, – засомневался Смолев. – Скорее, ей подсказали эту мысль польские конфедераты, с которыми она водила дружбу. В ее свите всегда ездило несколько богатых шляхтичей, добивавшихся ее расположения. Польша тогда была очень заинтересована в том, чтобы устроить в России очередную смуту.

– Можно подумать, сейчас что-то изменилось! – пробурчал уже Виктор Манн и продолжил: – Так вот! Сама решила или подсказал кто – но идея была совсем невовремя. В это время как раз случилось восстание Емельяна Пугачева. Россия была в огне крестьянской войны, и внешнего вторжения под флагом восстановления «законной царской власти» Екатерине Второй никак не хотелось. Она приказала графу Орлову захватить самозванку любым способом и вывезти на корабле в Кронштадт. Писала ему в письме, что если власти «тварь эту откажутся выдать, то и несколько бомб в город метать можно» с корабля. Оттуда – в Петропавловскую крепость, где ее могли допросить с пристрастием. Что он блестяще и проделал, устроив для этого целый спектакль. Бомб, правда, не метал, – поступил хитрее.

– Спектакли вы сильны устраивать, это точно, – рассмеялась Тереза. – Так он женился на девушке или нет?

– Ухаживал, дело было! – кивнул супруг. – Оказывал ей почет и уважение: никому не разрешал сидеть в ее присутствии! Ну как же: «особа королевской крови»! Знаки внимания, подарки! Всячески намекая и давая понять, что и он, генерал-аншеф, главнокомандующий российским морским флотом, победитель турок, не слишком-то доволен своей ролью в империи. Мол, подустал и сам от Екатерины. Не пора ли, мол?... Как поставили – братья Орловы – так и снимем! Здесь играл важную роль еще и тот факт, что именно Алексея Орлова все считали убийцей Петра третьего, заставившего того перед смертью подписать акт отрече-

ния. Думаю, что именно этот момент и впечатлил ее польских «суфлеров». Они поверили, что нашли нужного им человека и дали ей команду «изобразить чувства». Она послушалась, что было, видимо, ей несложно – красавец, блестящий кавалер – и не успела опомниться, как русский фрегат привез ее под арестом в Санкт-Петербург.

– Но как это произошло? – тихо спросила Стефания. Алекс внимательно посмотрел на нее. Похоже, молодая испанка все-таки переживала за Элизабет.

– В бухте Ливорно, куда вошли корабли русской эскадры по команде графа, были обещаны публике морские маневры, – Манн говорил негромко, по-прежнему лежа на спине с закрытыми глазами. Он словно видел картинку и описывал ее своим друзьям. – Огромная толпа собралась на набережной. Орлов предложил Элизабет подняться на флагманский корабль, чтобы наблюдать маневры с него, а свиту оставить на берегу. Она согласилась, и ей спустили на канатах удобное кресло. Маневры действительно были великолепны: красочно украшенные корабли то сближаясь, то удаляясь, палили из пушек, матросы разворачивали паруса, вывешивая разноцветные флаги. На набережной гремела музыка полкового оркестра... Кто там мог услышать, что происходило на палубе флагмана! Пока она любовалась морским парадом, Орлов вдруг куда-то исчез, а появился офицер, протянувший ей приказ об ее аресте.

– Какой ужас! – произнесла испанка.

– Больше из-под ареста она не выйдет до конца своей жизни. Умрет она в Петропавловской крепости от туберкулеза, которым страдала много лет, так и не открыв тайну своего происхождения никому, даже священнику на предсмертной исповеди. Кстати, к чести императрицы надо сказать, что Екатерина Великая, будучи женщиной очень умной, сразу поняла, что никакой опасности Элизабет для нее не представляет, и приказала лишь, чтобы та покалась и рассказала правду о своем истинном происхождении, после чего распорядилась ее отпустить. Но то ли обманщица не поверила императрице, то ли сама не знала своего происхождения... Она писала Екатерине покаянные письма, каждый раз рассказывая новую нелепую историю, подписываясь «Элизабет», чем страшно раздражала императрицу. Впрочем, она была совсем больна, а холод и сырость тюрьмы Петропавловской крепости только ухудшали ее состояние, пока не свели в могилу.

– А что Орлов? – поинтересовалась Тереза, находясь под впечатлением от рассказа мужа.

– Граф сначала был с ней в переписке, говоря, что он «и сам схвачен и под караулом», что «надежда есть, и он постарается ее найти и освободить», чтобы она не покончила с собой по дороге в Кронштадт. Потом он явился к ней лично и все ей рассказал, признавшись, что действовал по приказу своей императрицы и на благо России. Она действительно попыталась выброситься за борт, но ее остановили и потом уже стерегли до тех пор, пока не поместили в крепость.

– Бедная девушка, – прошептала Стефания. – Не сомневаюсь, что Бог его наказал за такой обман! Наверно, я плохая католичка, но такое не прощается!

– Не знаю, не знаю, – задумчиво произнес Манн. – Граф Алексей Григорьевич был обласкан Екатериной, награжден именьями и деньгами. Потом пережил опалу, уйдя от государственных дел. Прожил жизнь долгую, яркую! Даже вывел особую породу лошадей, известную на весь мир: орловский рысак! Был женат, имел детей. Но есть один факт, который подтверждает вашу версию, дорогая Стефания: граф умирал, страшно мучаясь и страдая на смертном одре. Он так кричал от боли, что заглушить его крики во двор усадьбы был призван полковой оркестр, точь в точь такой же, как играл тогда на набережной в Ливорно... И чем громче кричал умирающий граф – тем громче звучала музыка. Вот так!

– Страшно! – поежилась Тереза.

– Страшно другое! – ответил ей муж, сев наконец на лежанке. – Скоро время обеда, а мы еще не проголодались! Всем купаться!

Он легко подскочил, схватил Терезу за руку и потянул к морю. Алекс и Стефания с радостью присоединились к ним.

Вся компания с веселыми криками понеслась к воде, оставив близнецов на няню. Больше до обеда они не рассказывали мрачных историй.

После обеда в таверне, где повар Петрос превзошел самого себя (фаршированные кальмары на гриле просто таяли во рту), стало уже жарко, и они решили вернуться на виллу, отдохнуть в номерах.

Они уже поднимались по лестнице, как у Виктора зазвонил мобильный телефон. Он выслушал доклад с непроницаемым лицом.

Помолчав несколько мгновений, он задумчиво сказал:

– Девушки, дорогие, вы отдыхайте, а мы скоро к вам присоединимся!

Тереза внимательно взглянула на мужа, понимающе кивнула и увела Стефанию и детей.

– Что случилось? – смог наконец спросить Смолев. – Какие-то новости, судя по всему?

– Агент доложил: Хасаншин обнаружен в бухте Партенос, как ты и говорил. В воде недалеко от берега. Рядом вынесло его доску для виндсерфинга. Предварительное заключение: убит двумя выстрелами в голову. Вот так!

– Ах, чтоб тебя! – чертыхнулся Смолев. – Проморгали! События начинают ускоряться.

– Да, – мрачно подтвердил Манн, – есть такое дело! Поехали, там без нас Антонидис томится. Осмотрим все на месте, поговорим со свидетелями, все, вперед!

– Подожди, Витя, – придержал друга Смолев. – Не нравится мне все это!.. Похоже, что заказчик убрал исполнителя, который не справился с заданием. Но задание-то осталось невыполненным! Либо заказчик сам на острове, либо его помощник. А если их несколько? Сколько людей у тебя сейчас в больнице? Трое?

– Трое, а что?

– Вот что, ты давай-ка езжай к Антонидису, вы там и без меня разберетесь, а я – в больницу к Пермякову. Машина с водителем тебя ждет на стоянке: белая «Нива» с наклейкой на двери.

– Добро! Жди нас в больнице! – после секундного размышления подтвердил глава Национального Бюро и, развернувшись, быстро спустился по лестнице и покинул виллу.

Алекс дошел до своего номера, открыл сейф и достал оружие. Надел плечевую кобуру, сунул в нее пистолет и накинул легкий пиджак. Положил два запасных снаряженных магазина в карманы пиджака и быстро вышел за дверь.

Пешком от виллы до госпиталя можно дойти за пятнадцать минут, подумал он.

Если постараться – то можно успеть и за десять!

Часть восьмая

Настоящий герой – всегда герой по ошибке. На самом деле он мечтает быть честным трусом, как и все вокруг.

Умберто Эко, «Баудолино».

Добрым словом и пистолетом вы можете добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом.

Аль Капоне.

– Вы с ума сошли? – тихо спросил главный врач больницы, пристально сверля Смолева возмущенным взглядом.

Мужчины стояли у поста старшей медицинской сестры, которая всем своим видом демонстрировала полную незаинтересованность, при этом изо всех сил вытягивая шею в их сторону.

Еще немного – и хрустнут позвонки, подумал Алекс. Будет, как в той английской поговорке: «Любопытство сгубило кошку»!

Мимо ходили больные, носились медсестры. В процедурной чем-то гремели, над операционным блоком горела яркая оранжевая надпись на греческом: «Не входить! Идет операция!».

Главный врач, он же главный хирург госпиталя, коренастый грек лет пятидесяти, уставший и измученный, с темными кругами под глазами от хронического недосыпа, резко стянул повязку на подбородок, чтобы его негромкая речь была более внятной.

Говорили по-английски.

– Что значит «очистить отделение»? Больных я куда дену? Это интенсивная терапия! Вы хоть понимаете, что такое «интенсивная терапия»? Здесь люди после операции лежат! Некоторых с места трогать нельзя! – он осуждающе ткнул пальцем Смолеву в грудь. – Это госпиталь, а вы из него черт знает что устроили!

– Да поймите вы, дорогой доктор, – в сотый раз терпеливо объяснял Смолев вполголоса, оглядываясь на спящих вокруг медсестер. – Это вопрос безопасности ваших больных! У нас просто нет другого выхода! У вас же два блока интенсивной терапии, давайте перевезем тяжелых, остальные перейдут сами. Вы сами сказали, что второй не заполнен. Это срочно!

– Что за срочность такая, ради всего святого? Вот у меня операция через пятнадцать минут – вот там действительно срочность! А вашего Пермякова я завтра же выписываю, пусть едет домой с Богом! Оставьте моих пациентов в покое и не морочьте мне голову! У меня нет времени заниматься вашей чепухой, мне надо оперировать! Организуйте ваши полицейские засады за пределами моего госпиталя! – врач сердито вернул повязку на место и, резко развернувшись, собрался уже уходить в сторону операционных.

Старшая медицинская сестра победно хмыкнула, демонстративно уткнувшись носом в чью-то историю болезни.

Да что же я его полчаса уговаривать должен? Сам-то он не понимает? Старый упрямец, раздраженно подумал Смолев. Если мы их здесь и сейчас не возьмем – других шансов наверняка уже не будет! Но и рисковать жизнями пациентов и персонала было невозможно, Алекс прекрасно это понимал.

– Доктор, мы-то оставим, но я не могу гарантировать им безопасность, вы меня понимаете? Если мы с вами не предпримем необходимых мер, – до завтра они могут не дожить! – начал закипать Алекс. – В любое время здесь может произойти нападение. Хотите правду – извольте! Возможны налет, перестрелка, больные могут пострадать! Мы не сможем с вами этого предотвратить, если не переведем их отсюда в другое крыло и не распределим по другим этажам!

– Какая перестрелка?! Где? У меня в больнице?! – обомлел главврач, остолбенело замерев на полпути. – Вы шутите? Вы понимаете, что вы говорите? Это же дикость! Просто невысказано! Это медицинское учреждение, понимаете вы, медицинское! Я буду жаловаться вашему начальству!

Нет, похоже договориться полюбовно не выйдет. Уперся и ни в какую!

– Доктор! Немедленно дайте распоряжение медперсоналу начать перевод больных из этого блока на другой этаж! – окончательно потеряв терпение, рявкнул Смолев, подойдя вплотную к врачу. – От лица Национального Центрального Бюро Интерпола Греческой республики я официально предупреждаю вас об опасности возможного нападения! Невыполнение требований может поставить под удар человеческие жизни, и ответственность будет полностью и целиком на вас! Повторяю, немедленно вывести всех: больных и медперсонал, и чтобы никто сюда не заходил до утра или пока их не пригласят! Чтоб даже носу не совали! Будьте любезны немедленно исполнять! И жалуйтесь потом, кому хотите!

– Ну, если вы так говорите... – после долгой паузы растерянно развел руками грек, ошеломленный напором Смолева.

У старшей сестры совершенно вытянулось лицо. Она впервые в жизни услышала, как на ее начальника повышают голос.

– Но у меня не хватает людей! – переключился в практическую плоскость главный врач. – Это займет час, как минимум!

– Наши сотрудники окажут вам все необходимое содействие, – смягчившись, кивнул Алекс и, повернувшись к трем агентам, что стояли у палаты Пермякова, скомандовал: – помогите персоналу перевезти пациентов в соседнее крыло! Двое останутся там с Пермяковым, а вы – ткнул он пальцем в агента постарше, и, как ему показалось, поопытнее, – немедленно возвращайтесь!

Главврач вызвал по интеркому весь свободный медперсонал: своего заместителя, трех медсестер и двух санитаров, все еще кипя от негодования поставил им задачу и сердито ушел в сторону операционного блока.

Ну слава Богу, дело пошло, подумал Алекс. До чего же упрям, старый черт!

Медсестры забежали, санитары прикатали каталки, агенты помогали выводить людей из палат.

Смолев проследил за тем, чтобы Глеб в сопровождении агента проследовал в другой корпус, зашел в его пустую палату и сел на стул у окна.

Хорошо бы успеть до их прихода, подумал он, задумчиво глядя в окно.

Алекс достал свой матово поблескивающий «Herstal FN», проверил магазин с патронами и прикрутил глушитель.

Потом взглянул на разворошенную койку, в голову ему пришла идея. Он вытащил из шкафа дополнительный матрас, подушки и, соорудив на кровати нечто бесформенное, укрыл это одеялом. Слабо похоже на человека, но возиться времени не было.

Через полчаса в отделении наступила полная тишина.

Алекс прошелся по палатам и выключил везде свет, оставив ночники. На улице уже темнело. В коридоре по-прежнему ярко горели слепящие галогеновые лампы.

Это хорошо, подумал Смолев, вспомнив свою реакцию на их свет во время последнего визита в отделение, это замечательно, пусть спят!

Оставшийся с ним агент надел белый халат и уселся на место дежурной медицинской сестры. Сам Смолев был готов занять пост в палате Пермякова. Оставалось ждать.

Когда за окном окончательно стемнело, и в больничном саду неугомонные цикады завели свои трескучие трели, на лестнице, ведущей на этаж, раздались быстрые шаги.

Алекс переглянулся с агентом и, ободряюще кивнув ему, скрылся в палате. Приоткрыв дверь, он услышал разговор на английском:

– Скажите, где я могу найти Глеба Пермякова? – голос был низким и звучным, с характерным русским акцентом.

– В конце коридора, дверь налево, – ответил «медбрат», как и было договорено, добавив недовольным тоном: – только недолго, лечащий врач ограничивает посещения, к тому же, больные уже отдыхают! Это же блок интенсивной терапии!

– Я недолго, – произнес уверенный голос и шаги глухо зазвучали по направлению к палате.

Зайдя в тамбур, незнакомец плотно закрыл наружную дверь, затем, аккуратно приоткрыв внутреннюю, заглянул внутрь, не заходя в палату.

Смолев стоял за шкафом в неглубокой нише, справа от двери, и посетитель не мог его видеть.

Убедившись в том, что все тихо, незнакомец аккуратно просочился внутрь, закрыл плотно вторую дверь, достал из внутреннего кармана пистолет с глушителем и, направив дуло в сторону кровати, нажал на спусковой крючок раз, второй, третий...

Заглушенные хриплые металлические щелчки следовали один за другим. Выстрелы взбивали одеяло на кровати. Что-то заподозрив, он быстро подошел к кровати, сдернул одеяло и выругался, обнаружив подлог.

– Руки вверх! – резко и грубо скомандовал Смолев за спиной незнакомца по-русски, пока тот пребывал в нерешительности. – Только дернись, я отстрелю тебе башку! Пистолет на пол, живо! Дважды не повторяю! Стреляю на поражение! Ну? Ну?!

Пистолет упал на пол с тяжелым металлическим стуком.

Алекс бросил взгляд мельком: ожидаемо – «Макаров» с глушителем.

Подняв руки, незнакомец застыл, опустив голову. Роста он был среднего, ничего примечательного во внешности. Белесое, смазанное лицо, бесцветные глаза. Не за что зацепиться взглядом. Голос был, правда, уверенным. Словно у незнакомца за долгие годы сложилась привычка командовать.

– Понимаю вас, – произнес Смолев уже мягче. – Обидно, когда получаешь не то, что хочется. Медленно отходим в дальний угол, лицом к стене! Шевельнетесь – убью не задумываясь!

– Кто вы такой? – неожиданно спокойно произнес незнакомец, послушно выполняя распоряжения Алекса и отойдя в дальний угол. – И что вам здесь нужно? Где Пермяков?

– Пермяков в безопасности. Я из Интерпола. Кто вы такой? – поинтересовался Смолев, продолжая держать незваного гостя на мушке.

– Ах, Интерпола, – усмехнулся незнакомец и покачал головой. – Это серьезно! Что делать будем дальше, уважаемый соотечественник? Не до утра же мне вот так стоять с поднятыми руками?

– Почему бы и нет? – безмятежно пожал плечами Алекс. – Меня это совершенно не напрягает. Стойте, стойте, оборачиваться не надо, руки опускать тоже. Одно резкое движение – и я стреляю! Руки на стену, выше, выше! Вот так! Так вы не ответили мне на вопрос, кто вы такой?

– Не валяйте дурака, – процедил сквозь зубы задержанный. – С чего вдруг мне с вами откровенничать? Интерпол – так Интерпол! И чего мы ждем?

В этот момент отворилась дверь и заглянул агент, чтобы удостовериться, что все в порядке. Только он хотел зайти в палату, как в коридоре послышались шаги и голоса.

Алекс кивком головы отослал агента обратно, продолжая держать незнакомца на мушке.

Удивительно, насколько он спокоен и уверен в себе, подумал Смолев, прислушиваясь через приоткрытую дверь к тому, что происходило в коридоре.

– Мне необходимо забрать лекарства из процедурной, как вы не понимаете, – звучал из коридора рассерженный женский голос на повышенных тонах. Говорили по-английски. – Пропустите меня, вы мне мешаете работать! Я буду жаловаться главному врачу!

Странно, подумал Алекс. Почему медицинская сестра говорит по-английски, а не по-гречески? И сколько их там? Какой черт их принес, ясно же было сказано...

В этот момент в коридоре послышалась какая-то возня, раздались выстрелы, кто-то громко охнул – и тяжелое тело упало на пол. Было слышно, как какая-то женщина забилась в истерику.

– Андрей, ты там? – раздался требовательный женский голос. Говорила уже другая – голос был низким и хриплым, словно прокуренным. – Что у тебя?

– Меня держат на мушке, Катрин! – крикнул незнакомец. – Это засада! Здесь русский из Интерпола.

– Ясно! Слышишь, мент! У меня заложница! – прокричала она. – Твой помощник уже готов, если ты сейчас же не отпустишь моего друга – я и ее положу, а потом пройду по палатам – мне терять нечего! Да не визжи ты, дура! – прикрикнула она на кого-то в коридоре, и был слышен глухой звук удара. Всхлипывания стали глуше.



Плохо, очень плохо, с горечью подумал Алекс. Делать нечего – надо выходить. В палатах, слава Богу, уже никого нет, но рисковать жизнью еще одного человека он не имел морального права.

– Хорошо! – крикнул он в приоткрытую дверь. – Мы выходим! Только предупреждаю сразу, ваш друг у меня на мушке. Что не так – я выстрелю!

И, обернувшись к стоявшему у стены, он скомандовал:

– Пошел на выход, медленно! Держись – убью!

Они медленно вышли вдвоем из палаты. Впереди шел незнакомец, которого его соучастница назвала Андреем; он шел, подняв руки и медленно ступая, чувствуя холодящий металл пистолета Смолева у своего затылка.

Алекс шел за ним, готовый выстрелить в любой момент. При выходе в коридор его взору открылась следующая картина: тяжело раненый агент истекал кровью в трех шагах от процедурной, но было видно, что он еще дышал. У стойки поста, широко расставив ноги, стояла женщина средних лет в темном спортивном костюме, держа в руке пистолет, направленный в голову рыдавшей медсестры, скрючившейся на полу перед стойкой.

Женщина смотрела на Смолева с искренним удивлением.

– Ты кто такой, мент? – хрипло спросила она по-русски. – Откуда взялся? Какой еще, на хрен, Интерпол? Ты хоть понимаешь, во что ты влез?

– Догадываюсь, – ответил Смолев. – Отпустите заложницу. Раненому необходимо оказать медицинскую помощь.

– Плевать мне на него! Бросай оружие на пол!

– Думаю, что так мы с вами не договоримся! – покачал головой Смолев.

– А так? – спросила женщина и дважды выстрелила в раненого.

Он вскрикнул, дернулся и затих.

– Так договоримся? Эта дура – следующая! – она сильно пнула ногой воющую заложницу.

У Смолева свело скулы от ненависти, шрам на виске запульсировал как бешеный – он растер его пальцем. Какая мразь, подумал он, раздавлю!

– Она не шутит, – не поворачиваясь, вполголоса и по-прежнему спокойно произнес тот, кого называли Андреем. – Я бы на вашем месте ей поверил – я ее хорошо знаю.

– Слышишь, мент! – снова подала голос убийца. – Ты же стрелять не будешь, тебе же дело надо раскрыть! – издевательски хрипло хохотнула она. – А мне-то все равно: одним трупом больше, одним меньше! Считаю до трех и прострелю ей башку, а потом пойду по палатам!

– В палатах никого нет! – ответил Смолев. – Если вы выстрелите в медсестру – я вас расстреляю обоих! У меня руки чешутся!

– Зря вы с ней так, – покачал головой незнакомец. – Этого она не любит! Для нее чужая кровь – что вода...

– Здесь нет, этажом ниже – есть! Я видела, когда шла! Когда эту идиотку на лестнице встретила, – прорычала убийца – Мне спуститься на этаж – две минуты. Я там, мент, такую бойню устрою, тебе в кошмарном сне не приснится! Я эту больницу взорву к чертям собачьим! Пара гранат у меня с собой! Считаю до трех: раз!

– Хорошо, – решил Смолев и ткнул глушителем в шею пленнику. – Идите вперед, медленно!

Мужчина пожал плечами и медленно двинулся вперед, пока не дошел до медицинского поста. Алекс ушел с линии огня, скрывшись в нише тамбура.

– Хорошо, мент, а теперь сыграем в игру, – снова раздался kloкочущий ненавистью хриплый голос. – Напоследок я еще одного положу – душа горит! Выбирай сам, кого! Или ты, или эта дура! Какие твои предложения?

– Мое предложение одно: положить оружие и сдаться! – сказал Смолев. – Далеко вы не уйдете, на острове спецназ Интерпола. Ни по воде, ни по воздуху вам не выбраться. Мое предложение: сдавайтесь!

– Ага! – расхохоталась Катрин. – Бегу, спотыкаюсь! То есть, ты выходить отказываешься? Значит, я пришью эту дуру. Она мне своим воем уже всю душу вымотала! Считаю до трех: раз, два!..

Алекс глубоко вздохнул и нехотя сделал шаг из ниши. Он стоял в конце больничного коридора под ярким светом галогеновых ламп, метрах в десяти от убийц. Тут и слепой не промахнется.

Как-то все глупо вышло, отстраненно подумал он. И откуда только взялась эта бестолковая медсестра? По-крайней мере, хоть до парнишки они не добрались. Вот только жаль, что сделать свое вино ему так и не удалось...

Смолев без трепета взглянул убийце прямо в лицо: мертвенно-бледная кожа, дрожащие ноздри, расширенные зрачки, злобно кривящиеся губы. Наркоманка, успел подумать он. Наркоманка и психопатка. Страх он не чувствовал, скорее сожаление, что все сейчас закончится, а еще так много хотелось сделать.

– Ты смотри, смельчак! – злобно процедила убийца и навела на него пистолет. – Ненавижу! Ну, прощай, мент!

– Прощай! – раздался за ее спиной бас Виктора Манна и одновременно сухо щелкнул выстрел.

Пуля вошла ей в затылок, рука дернулась, палец инстинктивно нажал на спусковой крючок. Раздался выстрел,

Алекс почувствовал, как что-то тяжелое и горячее ударило его в плечо, развернуло и бросило на пол. Он пришел в себя через мгновение от топота множества ног, обутых в тяжелые армейские ботинки. Рука онемела. Он ее не чувствовал. На полу рядом растекалась темная лужа.

Манн, подбежав к нему, бегло осмотрел рану, прижал к ней салфетку, пытаясь остановить обильно текущую кровь, и торопливо пробормотал:

– Эх, Сашка, что ж ты так?.. Держись! Ничего, сквозное! До свадьбы заживет! – и, оглянувшись на помощников, отдал распоряжения по-гречески.

Один из них бросился к посту медицинской сестры и что-то стал быстро говорить по интеркому.

– А где? – вдруг встрепенулся Смолев, что-то вспомнив.

Выходит, еще поживем, пришла запоздалая мысль. Не так все плохо, на войне бывало и хуже...

– Задержали, не переживай! – понял его с полуслова Манн. – С медсестрой все в порядке! Но ты-то? Что же ты так? Не мог время потянуть еще? Двух минут всего нам не хватило!

– Значит, не мог... Агент мертв? – тоскливо спросил Алекс, устало прикрыв глаза, прислонившись спиной к стене и подогнув ноги.

– Живой, живой! Ранен, – быстро ответил Манн, усаживаясь на пол рядом с ним и по-прежнему зажимая рану салфеткой. – Две пули попали в бронежилет, одна по касательной в голову. Подлечат и в строй! Им уже занимаются, не переживай. Вот почему ты без бронежилета? Сколько раз мне тебя предупреждать? Выздоровеешь – накажу!

– Интересно, как? – усмехнулся было Смолев и тут же сморщился от боли в плече.

– Поселюсь у тебя на вилле всем семейством до тех пор, пока не женишься! – весело ответил глава Бюро Интерпола. – Тереза тут прислала сообщение, что близнецы снова расколотили ту твою несчастную вазу в коридоре. Не знает теперь, как тебе об этом сказать. Мы опасные постояльцы, имей в виду!

– Долго же вам ждать придется, – ответил Алекс, стиснув зубы.

Первый шок прошел, и боль начала накатывать знакомыми раскаленными и мутными волнами.

Главное, не потерять сознание, подумал он. Еще не хватало!

Напрягаясь из последних сил, он не давал сознанию ускользнуть.

– Видал я постояльцев и поопаснее! Хоть всю жизнь живите!

По коридору к нему встревоженно спешил главный врач, за ним санитары бегом несли носилки.

– Это вы, доктор! – улыбнулся побелевшими губами Смолев склонившемуся над ним врачу, перейдя на английский. – Слава Богу, все закончилось. Ну вот, теперь и я – ваш пациент!

– Не могу сказать, что меня это очень радует, – раздраженно буркнул хирург, опустившись на колени и быстро осматривая рану. Потом поднялся и махнул рукой санитарам. – Так, большая потеря крови... Все ясно, в первую операционную! Начинайте подготовку! Кровь, плазму! Я буду через две минуты!

Санитары подхватили Смолева, уложили на мягкие носилки и быстро унесли.

– Саша, – успел крикнуть вслед ему Виктор, – мы завтра же будем у тебя!

Он хотел было добавить что-то еще, но осекся: из носилок вдруг безжизненно свесилась правая рука. Смолев все-таки потерял сознание.

Коридор, залитый ярким светом, опустел – его покинули все: и медики, и группа захвата. Унесли раненых, труп убийцы отправили в морг. Увели и плачущую медсестру. В коридоре снова повисла тишина.

Только генерал Интерпола еще долго стоял, глубоко задумавшись о чем-то, устало прикрыв глаза и прислонившись разгоряченным лбом к прохладному стеклу окна, за которым, радуясь жизни, хрипло трещали цикады.

Часть девятая

*Дом – это там, где моя мама и друзья.
А еще – я даже стала думать, что дом —
это там, где мы с тобой.*

Бен Шервуд.

«Двойная жизнь Чарли Сент-Клауда».

Весть о том, что Глеб улетел домой, даже не позвонив ей, ничего не объяснив и не попрощавшись, застала Арину на винограднике Аманатидисов и совершенно потрясла.

Он мог хотя бы прислать ей смс! Разве близкие люди так поступают? Что же это за человек такой? Разве она была перед ним виновата хоть в чем-то? Это же он сначала напился и буянил в Пирее, потом его зачем-то понесло на следующий день на глубину!.. К чему было выпендриваться? По нему и тогда было видно, что он еще не пришел в себя: лицо зеленое, как у покойника. На завтраке, она помнит, из-за стола вставал – чуть не упал. Да, она его не оставила, но Машка права, он уже большой мальчик, сам должен соображать! Она ему не нянька!

Несчастный случай – сказали им. Этого несчастного случая не произошло бы, останься он с ними на мелководе, Арина была уверена. Зачем он поплыл один, никому не сказав ни слова?

Есть на свете люди, у которых вся судьба – один большой несчастный случай, печально говорила мама. Они портят жизнь не только себе, но и всем близким людям. Держись от таких подальше!

Похоже, что мама снова была права, вздохнула Арина. Только мама всегда имела в виду лентяев, безответственных и бесхарактерных бездельников, а Глеб никогда не казался ей таким. Что же с ним случилось? Девушка мучительно терялась в догадках.

Может быть, он обиделся, что они уехали к Спанидисам?

Но, во-первых, чем они могли ему помочь, когда он был без сознания в реанимации? Во-вторых, с обеда следующего дня Арина тщетно пыталась до него дозвониться: сначала никто не отвечал, а потом аппарат и вовсе выключили. Она написала с десятков сообщений, но в ответ – тишина. Если бы он сказал: приезжайте! – они бы немедленно приехали. Но никто не брал трубку и не перезванивал.

Катерина в отеле сказала, что у него все в порядке, просто он нуждается в отдыхе. Хотел бы связаться с нами – связался бы! Значит, не очень-то ему и надо.

Арина обиженно шмыгнула носом. Бабушка в таких случаях говорит: «Насильно мил не будешь!».

А утром сегодня, когда они гуляли по виноградникам вчетвером вместе с Леонидасом, Антону позвонил тот лысый, загорелый дяденька, которого владелец виллы почему-то называл «генерал», и задал несколько вопросов.

Чтобы ответить на них, Антон зачем-то оставил девушек с греком, а сам отошел от виноградников чуть дальше к дороге. Уже потом, в конце беседы, Антон узнал, что Глеб Пермяков улетел с Наксоса утром того же дня первым рейсом в Афины, а оттуда – в Петербург.

Вернулся Антон мрачным, долго думал о том, как потактичнее сообщить Арине неприятную новость, и наконец решился.

– Ариш, ты только не расстраивайся, пожалуйста, – сказал он тогда, взволнованно крутя в руках сухой прутик, подобранный у дороги. – Я уверен, что этому есть объяснение, просто нам не все до конца говорят. Мне сообщили, что у Глеба дома неприятности, и он срочно вылетел в Питер.

Она помнит, как Машка охнула от неожиданности и всплеснула руками. Леонидас удивленно и встревоженно посмотрел на Антона, – тот в двух словах обрисовал ему положение дел. Грек сочувственно закивал.

Что она тогда почувствовала? Сперва обиду, конечно. Это просто свинство – так себя вести! Что Глеб о себе возомнил? Разве она заслужила, чтобы к ней относились, как к пустому месту?! Потом она немного остыла.

В конце-концов, она не первая Ариадна, которую бросил на Наксосе молодой человек, горько усмехнулась она тогда. Грустная легенда снова пришла ей в голову. Но она твердо решила, что ничто не испортит ей отпуск, тем более, что на прекрасном острове им остался всего лишь один, последний день.

Послезавтра им надо ехать дальше, маршрут через всю Грецию был составлен ими заранее, задолго до поездки. Все отели забронированы и оплачены, ничего уже не поменять. Придется уезжать, что уж тут поделаешь!



А еще она вдруг почувствовала облегчение. словно с ее плеч сняли тяжкую ношу.

С Глебом она встречаться больше не будет. Какие бы ни были у него проблемы, она была вправе рассчитывать на то, что он отнесется к ней по-человечески. А не сбегит с острова, бросив ее, как надоевшую игрушку. Она свободна от любых обязательств перед ним, сказала она себе. И улыбнувшись, протянула сама – впервые за два дня – руку молодому греку.

Машка незаметно ткнула мужа локтем, мол, – во дела-а!

– Пойдемте дальше, Леонидас, – уверенно сказала Арина по-английски терпеливо ожидавшему молодому человеку. И добавила совершенно искренне: – Все, что вы рассказываете, – мне очень интересно. Никогда в жизни мне еще не было так интересно! Продолжайте, прошу вас!

Она помнит, как нежно молодой грек улыбнулся ей в ответ, осторожно взял ее руку своей сильной рукой – ей стало спокойнее, обида сразу куда-то улетучилась, как дым, – и они вчетвером, весело болтая и смеясь, отправились дальше вдоль зеленых виноградных лоз с тяжелыми фиолетово-синими гроздьями в сторону фермы, где их ждал старый Иоаннис на дегустацию, словно и не было этого неприятного инцидента.

Сидя сейчас за массивным деревянным столом, уставленным бутылками с местным вином урожаев разных лет, тарелками с сыром и вяленным мясом, она задумчиво крутила в тонких пальцах прозрачный бокал, на треть наполненный ярко-рубиновой жидкостью, и вспоминала этот эпизод на винограднике.

За столом Антон что-то говорил, Машка смеялась, пробуя вино и восхищенно мотая головой.

Иоаннис спустился в погреб, чтобы достать пару бутылок из неприкосновенного запаса, видимо, пришло их время. Отец тоже не был слепым, видел, что происходило с его сыном.

Арина сидела напротив Леонидаса и, уже не стесняясь и не отворачиваясь в смущении, как раньше, смотрела в его живые карие глаза и любовалась его улыбкой.

Почему так бывает в жизни? Удивительно! Еще три дня назад я не знала этого человека, размышляла она. А сейчас я смотрю в его глаза, вижу его улыбку, мягкую, чуть смущенную и такую счастливую, держу его руку – и не понимаю, как все это время я жила, не зная, что он есть на свете! Мне с ним тепло и спокойно, думалось ей. Он мне очень нравится, причем, с того самого момента, как я плюхнулась к нему на колени тогда на пароме! Просто признаться в этом самой себе было крайне непросто. Еще и водой облила, покачала головой Арина и тихонько рассмеялась. Господи, ведь как идиотка себя вела! А он тогда даже голоса не повысил! Но что дальше? Что с нами дальше будет? Неужели мы так и расстанемся через день, и все закончится? А что потом?

Я не хочу, чтобы все закончилось, сказала она себе. Я вообще не хочу уезжать с Наксоса. Я даже отсюда – с фермы – не хочу уезжать! Это все такое новое, совершенно неожиданное и уже родное: прозрачное голубое небо над головой, сочная зелень виноградных лоз и ярко-синий цвет винограда, ароматы трав и каменистой земли, нагретых южным солнцем, терпкий вкус вина и тепло его руки...

Словно угадав ее мысли, молодой грек наклонился ближе к ней и, легонько сжав ей руку, сказал вполголоса:

– Останься! Я не хочу, чтобы ты уезжала!

– Я... я... – сбивчиво прошептала она, растерявшись от неожиданности, – я не могу!..

– Но почему? – его карие глаза смотрели непонимающе. – Мы пообедем весь остров, я покажу тебе его, ты же ничего не видела! Все бухты и пляжи, сады и виноградники, самые живописные места! Я познакомлю тебя с прекрасными людьми! Ты остановишься у нас как гостья! Тебе не о чем беспокоиться! Моя семья тебе очень рада! Папа и мама тебя тоже приглашают!

– Я вижу... Я знаю! Я тоже!.. – чуть не плача, проговорила Арина, пожимая его руку в ответ. – Но я не могу! Пойми! Мы должны будем уехать втроем, как приехали. Они мои друзья! Мне очень нравится здесь, словно я дома!.. Но я не могу!

– Подумай, – настойчиво проговорил Леонидас. – Виза у тебя есть, ты пробудешь здесь столько, сколько захочешь! Может быть, приедут твои родители? В доме всем хватит места! Они будут самыми дорогими гостями! Мы организуем праздник, им все понравится!

– У меня только мама, – еще более растерянно пролепетала Арина. – Моя мама не поедет!.. Прости! Мне жаль! Я бы осталась, правда, я очень хочу! Но я не могу!..

Она слабо себе представляла, что она должна сказать матери, чтобы та оторвалась от своих ватманов и приехала на Наксос. С чего вдруг? Даже речи быть не может!

Бабушка снова пройдет по поводу «великовозрастной бестолочи», которую пустили за границу одну в первый и в последний раз!

Кстати, вовсе даже не одну! Да что толку! Сразу себе нашла кавалера, мать скажет, и где? В Греции! Ближе не нашлось?! А что делать, если тот, кто ближе, бросил ее здесь и сбежал на второй день? Что делать? Возвращаться домой, скажет мама. И она права. У тебя институт, учеба! Как быть с этим? Мама всегда права. Но почему тогда она сама так одинока и несчастлива? Ведь она всю жизнь живет по правилам, делает только то, что нужно. И чем все кончилось? Одиночеством? А ведь ей нет и сорока пяти! Может стоило хоть раз нарушить правила?

Нет, выбрось из головы, сказала Арина себе. Иначе будет все, как в той грустной легенде, что рассказал Антон. Тесей бросает Ариадну одну на острове, и она умирает здесь, то ли от тоски, то ли от стрелы Артемиды. В любом случае, ничего хорошего легенда ей не сулила. Пусть все останется мечтой, несбывшейся, но очень красивой, как тот вид с балкона, на котором она проплакала вчера полночи... Может быть, она сюда еще вернется однажды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.